

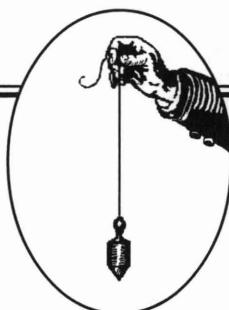
НОВАЯ ПОЛЬША 1/2000

Содержание

1. Как жаль, что Дравича с нами нет
2. Место Польши в новой Европе
3. Хроника (некоторых) текущих событий
4. Отречение от власти
5. Сами себе хозяева
6. Вреден ли зарубежный капитал?
7. Ленин как отчим geopolитики
8. Традиции сосуществования
9. Мертвый Христос
10. Он оставил свой след на картах Сибири...
11. Обзор литературной периодики
12. Летопись культурной жизни
13. Современная русская литература в Кракове
14. Cafe Greco
15. О конце света

Петр Мицнер

Как жаль, что Дравича с нами нет

Петр Мицнер

КАК ЖАЛЬ, ЧТО ДРАВИЧА С НАМИ НЕТ

— А как там дела у Анджея? — спросила меня недавно моя петербургская знакомая. — Почему он на письма не отвечает?

— О Боже, — воскликнул я, — да ведь он умер, уже два с половиной года как умер!

Я начал торопливо рассказывать ей про последние годы его жизни, про то, что, выбрав левую сторону политического спектра, он потерял многих друзей, что и мне тоже не хотелось с ним встречаться. А когда его уже не было, я не раз говорил себе, читая или переводя русские тексты: „Эх, поговорил бы я об этом с Анджеем, посоветовался бы, поспорил...”

Татьяна из Петербурга познакомилась с ним в начале 90-х. Многие русские интеллигенты слышали о нем, знали легенду о польском критике и переводчике, друге русской литературы. При этом они не читали его статей и книг и никогда его не видели: лет на 15 его лишили права ездить в СССР.

Таня попросила меня рассказать о жизни Анджея, и я вдруг поймал себя на том, что, хотя мы 17 лет были знакомы, я многоного о нем не знаю и должен заглядывать в словари. При всей сердечности и разговорчивости он оставался довольно замкнутым. И не потому, что скрывал что-нибудь — просто не надоедал другим своей жизнью, предпочитая разговаривать о литературе, о людях.

Анджей Дравич родился в Варшаве. Ему было семь лет, когда началась война, девять, — когда он потерял отца (расстрелянного органами НКВД при ликвидации Луцкой тюрьмы в июне 41-го, во время наступления немцев). После войны — сначала католическая школа, потом Союз польской молодежи (польский комсомол), отделение польского языка и литературы в университете, а также самостоятельные занятия русской и советской литературой. Он был также автором и актером в знаменитом „оттепельном” Студенческом театре сатириков (СТС). Дравич быстро стал внеуниверситетским авторитетом, кафедрой русистики и советологии в одном лице. Тучи начали собираться над ним в середине 70-х, когда он открыто выступил на

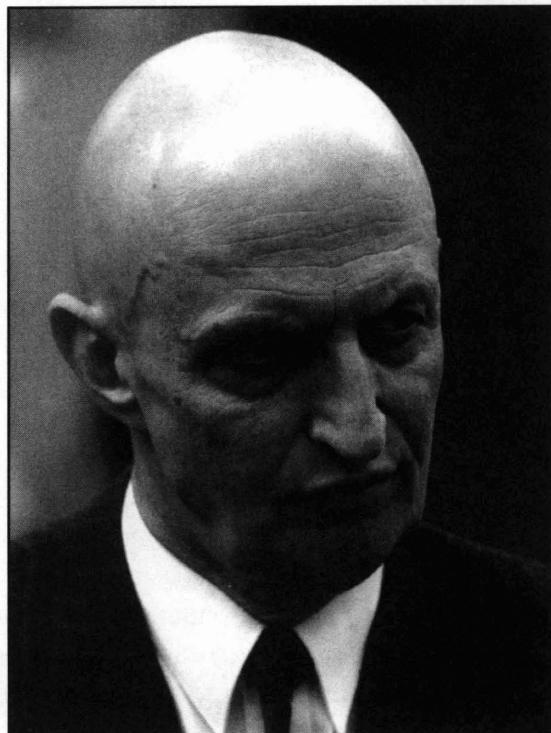

Фото PAP-CAF, Dariusz Kwiatkowski

стороне демократической оппозиции. В 1975 г. он подписал протест против изменений в конституции, ограничивавших права человека. В конце 70-х Дравич был преподавателем Товарищества научных курсов — подпольного университета, аудиториями которому служили частные квартиры, не раз подвергавшиеся налетам милиции и госбезопасности. Его фамилия исчезла со страниц официальной печати. Печатался он в самиздате и эмигрантских изданиях. Однако разрешенной культуре было трудно обойтись без такого отличного специалиста по России, и кое-что (особенно переводы) публиковалось, но под псевдонимом.

В декабре 1981 г., после введения военного положения в Польше, его интернировали, и он просидел, чуть ли не дольше всех интернированных: как-то он не подпадал ни под какие волны освобождений, ни под какие амнистии. После освобождения — опять сотрудничал с самиздатом, начал также преподавать в краковском Ягеллонском университете. В июне 1989 г. по просьбе первого некоммунистического премьер-министра Тадеуша Мазовецкого, Дравич возглавил радио и телевидение. Многие ожидали, что он проведет там радикальную чистку. Они ошиблись: Анджей и не захотел проводить чистку, и, наверное, не смог бы. Уйдя спустя два года с этого поста, он снова принялся писать, работая в Польской Академии наук. В течение трех последних лет жизни мы видели его советником при „красных” премьер-министрах Юзефе Олексы и Владзимеже Цимошевиче и активным участником предвыборной президентской кампании Александра Квасневского. Друзья и знакомые из бывшей оппозиции сочли все это предательством. Некоторые, впрочем, и раньше предъявляли к нему претензии: кто — за то, что он возглавил радио и телевидение, а кто — за то, что, видя, какое наследство ему досталось, он не ушел оттуда сразу. Уже тогда с горечью говорили, что он перестал быть независимым, продал душу политике.

Его выбор всегда был его личным делом. Он делал выбор не в шутку и защищал свои решения, которые всегда принимал с полным сознанием последствий — как в 1975 г., так и двадцатью годами позже. Да вот только мы, как знакомые и друзья, имеем право пожалеть, что связанные с политикой эмоции, может быть, отняли у него несколько лет жизни, а как читатели — что он мог бы вместо занятий политикой еще так много написать. После него осталось несколько сборников статей о русской литературе. Анджей избрал такую форму, чтобы статья была собой одновременно и биографическим очерком, и анализом текста, и библиографическим обзором, т.е. была доступна как тем, кто уже в курсе данной темы, так и начинающим. Головоломная задача, с которой он, однако, справлялся. Притом во всех его текстах легко опознать его личный стиль. То порывистый, то описательный, одновременно поэтичный и манерный. Мне случалось быть издателем его книг, и помню, как он защищал свои особенности и чудачества от редакторских поползновений. Ведь он был и переводчиком, причем трудных для перевода авторов: Булгакова, Платонова, Бродского. Так что можно предположить, что, выбирая те или иные стилистические средства в своих собственных текстах, он знал, что делает.

Его суждения субъективны — он и не притворялся объективным. И всегда был готов к спору, к полемике. Но партнеров найти было нелегко. Некомпетентные поджимали хвост, другие — обижались. Я имею в виду, в частности, круги русской эмиграции, где сначала были недовольны тем, что он слишком высоко оценивает литературу, официально издаваемую в СССР, а позже — что он стал певцом перестройки и поклонником ее главного архитектора.

Несмотря на свою субъективность, тексты Дравича о русской литературе до сих пор незаменимы. У нас нет никого, кто обладал бы такими знаниями, такой страстью, кто мог бы, как он, рассказывать, побуждать к чтению, изучению, переводам. Уже не сосчитать всех книг, издание которых было его идеей, всех чужих переводов, которые он поправлял, всех тем, которые он подбрасывал другим, предоставляя собранные им материалы и заметки. Не говоря уже о том, сколько энергии он посвятил в подпольные времена организации стипендий, посылок, лекарств. Сколько находил времени и внимания для тех, кто, по его мнению, мог быть полезен культуре. Еще в 1977 г. он говорил, что в создании культуры, независимой от государства, нужны и те, у кого хватает храбрости отдавать лишь частицу себя, да и то не открыто. Он писал тогда, что в процессе разрушения тоталитаризма понадобятся и те, кого мы сейчас оцениваем критически. Но „кто не полностью с ними — тот с нами”.

Тогда же, во время международной эмигрантско-диссидентской встречи, он сформулировал свои возражения против термина „диссидент”. По его мнению, „диссидентами”, т.е. в изначальном смысле слова „раскольниками”, отступниками от нормы, были тогдашние партийные держиморды. Норма же — это свобода и независимость. И, именно поэтому, деятельность оппозиции должна быть направлена на то, чтобы „повсеместно восстановить ощущение расшатанной нормы”.

Анджей верил, что если мир — сон безумца, то лишь временно, что в нем удастся наладить гармонию. Не раз он повторял по-русски за своим любимым Булгаковым, которому посвятил отдельную книгу („Мастер и дьявол”): „Все будет правильно, на этом построен мир”.

Такой завет, когда его пишешь на бумаге, сегодня может показаться как раз „бумажным”, наивным. Но он звучит иначе для тех, кто помнит Анджея Дравича, произносящим эти слова. Вижу как сейчас: высокий, выразительный, он говорит это мягким, но сильным голосом. А потом слушает и ждет отклика. Это ожидание продолжается уже больше двух лет.

Петр Мицнер (1955) - театролог (том „Театр света и тьмы”). Известный очеркист, поэт, сооснователь журнала „Карта”, сотрудник российского общества „Мемориал”. В 1993-99 гг. руководил Центром культуры в г. Подкова Лесна.

Александр Квасневский

Место Польши в новой Европе

**Выступление президента РП на
международной конференции во
Французском институте международных
отношений (IFRI) в Париже**

Александр
Квасневский

МЕСТО ПОЛЬШИ В НОВОЙ ЕВРОПЕ

Выступление президента РП на международной конференции во
Французском институте международных отношений (IFRI) в Париже.

Фото PAP-CAF, Dariusz Kwiatkowski

Уважаемый господин директор Института, Ваши превосходительства, уважаемые дамы и господа!

Для меня большая честь — поделиться со столь представительной аудиторией своими мыслями по поводу объединения Европы. Пользуясь этим случаем, я искренне приветствую нашего хозяина, господина Тьерри де Монбрайя, основателя и директора Французского института международных отношений, который сейчас отмечает свое 20-летие.

Три года назад мне довелось выступать здесь же на тему о Польше и Европейском союзе, вместе приближавшихся к концу XX века. То, что тогда было всего лишь идеей, сегодня стало действительностью.

2000 год уже на пороге, а Польша и еще четыре страны Центральной Европы обсуждают с Европейским союзом условия своего вступления в ЕС. Масштаб изменений, скорость исторических перемен мы можем понять еще полнее, если вспомним, как выглядела Европа 10 лет тому назад. «Железный занавес» только начал растрескиваться. Только немногие могли представить себе ее падение. Я не знаю, посмел бы кто либо тогда сказать, что в 1999 году Польша, Чехия и Венгрия будут членами НАТО.

Объединяя Европу, мы боремся против наследия «холодной войны». Мысление о Европе было двухполюсным — мы говорили: Восток и Запад. Эти географические понятия стали символами различий — идеологических, политических, военных, экономических. Берлинская стена разделяла два мира. С одной стороны —

демократия, с другой — тоталитаризм. В одном мире — сотрудничество и единство стран-партнеров, в другом — гегемония советской сверхдержавы. Так было. Но Европа возникла не в 1945 г., не в 1918-м и даже не в 1815-м. Архитектура разделов — не ключ к определению европейской принадлежности. Европа — это тысячелетия совместной истории, особенно, воспринимаемой как процессы «длительного существования»; это единое духовное пространство, это цивилизационное наследство поколений. Многовековые здания и произведения искусства в краковском Вавеле, в пражских Градчанах, в Эстергоме, Левоче, Вильнюсе, Риге, Таллине, Львове — это более чем памятники минувшего. Это знаки культурного кода, согласно которому проявляет себя Европа и на который она смотрит как в зеркало. Так было в Париже, Риме, Оксфорде, Вене, Мюнхене. Нынешний год — это время великих годовщин гигантов европейской культуры. Двести лет тому назад родились Оноре де Бальзак и Александр Пушкин; 250 лет тому назад скончался Иоганн Вольфганг Гёте; 150 лет тому назад скончались Фридрик Шопен и Юлиуш Словацкий, великий польский поэт. Все они авторы произведений, которые входят в европейскую самобытность и не признают ни границ, ни кордонов. Биографии можно приводить как символы. Творческий путь Фридриха Шопена начался в Варшаве и через Берлин, Прагу, Вену привел его в Париж. Юлиуш Словацкий родился в Кременце, ныне на территории независимой Украины, а свои произведения писал в Польше и во Франции. Эти и многие другие деятели культуры, науки, открыватели и изобретатели стали покровителями нашего европейского единства. Европа многолика, и все же она единое целое. «Железный занавес» не мог рассечь это духовное единство. Поэтому теперь, когда рухнули стены и шлагбаумы, в нашем мышлении о Европе мы особенно подчеркиваем то, что объединяло и объединяет, а не то, что разделяет. Это правда, что опыт коммунистической системы оставил свой отпечаток на народах Центральной и Восточной Европы. Его следы все еще можно найти в складе ума. Но существует чувство укорененности в европейских ценностях. По сути дела на нем мы и строим наши успехи. Посмотрим на Польшу. Власть закононости, демократические процедуры, развитие институтов гражданского общества — все это повседневность нашей общественной жизни. Последовательно проводившиеся экономические реформы и дух предпринимательства дают высокий рост производства, устойчиво сохраняющийся вот уже семь лет. Наши успехи стали поощрением для инвесторов, которые задействовали в Польше более 35 миллиардов долларов. В течение десятилетия Польша стала совсем другой страной.

Такой энергии не было бы в народе, не обладающем столь глубокой психологической настроенностью на развитие, в народе, утратившем то достоинство и те способности, которыми много веков гордится европейская цивилизация. Ибо правило больших сообществ состоит в том, что материальный успех — это

производная культурных ценностей. Наше прошлое, наше присутствие в Европе — вот движущая сила нашего сегодняшнего дня и нашего будущего.

Доказательства тому, что Европа является единым духовным пространством, многочисленны. Понятия «Запад» и «Восток» сегодня вновь более связаны с географией, нежели с политикой, тем не менее определенные стереотипы устоялись. Это приводит к тому, что открытость друг к другу иногда смешана с недоверием, партнерство — с желанием поучать. Есть, например, круги, для которых все еще злободневен вопрос «сведения счетов за Ялту». Надо помнить, что общество в странах Восточной и Центральной Европы намного сильнее испытывают память о прошлом. В сознании особенно старших поколений не исчезло острое ощущение того, что в критический момент нашей истории Запад нас оставил. Однако позиция, так сказать, «судебного исполнителя по историческим долгам» становится все менее популярной. Вновь приведем пример Польши. Молодые поколения смотрят главным образом в будущее. Они понимают, что каждый — кузнец своего счастья. Необходимо также сознавать, что в сложном процессе объединения не помогает то, на что мы иной раз наталкиваемся с западной стороны и что можно назвать позицией «технического судьи», — склонность абсолютизировать стандарты. Членство в Европейском союзе, несомненно, требует удовлетворения очень многим критериям. Несомненно и то, что надо внимательно наблюдать за процессом принятия общего права, четко указывать запоздания и недочеты. Переговоры — это сложное искусство компромисса, в котором надо очень тщательно взвешивать позиции. Миллиметрами не измерить то, что является великим формированием, созиданием. Одновременно Европа — это грандиозное приключение нашей цивилизации, исторический вызов. Участвуя в нем, мы обязаны быть реалистичными и скрупулезными, но это должно сопровождаться стремлением к изменениям, пониманием символов времени, размахом идеи.

Чтобы дело объединения завершилось успехом, нам надо громко вопрошать о душе Европы. Европеизм — это активная, открытая и созидательная позиция. Это свобода личности, терпимость, критицизм. Это свобода выражения мнений и одновременно уважение к истине. Это демократия, власть закона, гражданское общество. Это отважное, нескованное предпринимательство, а также общественная чуткость, солидарность по отношению к слабым и нуждающимся в помощи. При этом очень характерно то, что нации, входящие в объединенную Европу начинают испытывать потребность в дебатах о своем национальном облике. Они желают установить, что в них общего, а что своего. В Польше в этом году были сняты два фильма — экранизации литературных произведений, которые многие воспринимают как суть польского духа. Оба пользуются большим успехом. Одна из этих картин —

«Пан Тадеуш», которую по поэтическому эпосу Адама Мицкевича поставил Анджей Вайда. Фильм стал результатом сотрудничества польских и французских кинематографистов. Это особое произведение. В диалогах сохранен традиционный польский стих, и тем не менее они звучат естественно. Лагерь провинциальной «малой родины» совмещается здесь с великой сценой Европы, с наполеоновской эпохой. Там есть польские нравы, литовское село, парижский салон — и грохот европейской бури в 1812 году. Говорят, что и эпос, и фильм понятны только полякам, но я думаю, что в них есть универсальные черты. Мы, европейцы, на пороге XXI века именно так чувствуем свой европеизм — как закрепление в мире «малой родины» и национальной культуры и, одновременно, в мире европейских ценностей. Мы — в нашей стране, и мы — в Европе.

Объединение Европы — это непрерывный баланс достижений и угроз. Интеграционные структуры — Европейский союз и НАТО, а также то, что достигнуто ими за много лет — это историческое достижение. Без них совсем иначе выглядела бы история Европы. «Отцы-основатели» европейского проекта: Жан Монне, Робер Шуман, Альчиде Де Гаспери, Конрад Аденауэр — создали нам всем возможность выйти из заколдованных кругов европейской политики, постоянно ведущей поиск шаткого равновесия в балансировании сил. С этого времени путь определяют партнерство и сотрудничество. Денежный союз, возникновение единого пространства правосудия и безопасности, подготовка к внутренней реформе, а также созревание Европейского союза для расширения придают процессу интеграции новое измерение. Важным этапом объединения Европы было расширение НАТО. Оно было равнозначно ликвидации раздела Европы, произведенного в Ялте. За этим шагом последуют новые. Но объединенную Европу сегодня строят не только западные страны. Стимулы к объединению поступают с обеих сторон континента. Все более важным вкладом в общеевропейские успехи становятся региональные успехи Центральной Европы — как политические, так и экономические. В Центральной Европе и в соседних с нею странах сложился самоорганизующийся и саморегулирующийся механизм, дающий устойчивость и прогнозируемость. Он эффективен и может разряжать напряженность, в частности национальную, которая стала кошмаром некоторых других регионов Европы. Примеров множество: польско-немецкое примирение, а также польско-литовское, польско-украинское, «бархатный развод» чехов и словаков, румынско-украинское соглашение, участие венгерского меньшинства в правительстве Словакии. Мы создали организацию CEFTA — единое пространство свободной торговли. Мы пытаемся объединять звенья регионального сотрудничества, чтобы создать цепь сотрудничества от Балтийского моря через Центральную Европу до Черного моря. Составляя европейский баланс, существенной статьей в графе наличия надо поставить «Веймарский треугольник». Сотрудничество

Франции, Германии и Польши — это новый фактор в европейской политике, характерный для новой эпохи. Это один из путей к единству и благосостоянию будущей Европы. Особенно поощряющим является то, что со временем возможности «Веймарского треугольника» будут не иссякать, а расти. Это сильно склоняет к сотрудничеству. Названные здесь успехи Европы не должны снижать нашей бдительности. Ибо, сколь внушителен баланс достижений, столь же тревожен и перечень опасностей. Проснулись демоны дурного пошлого нашего континента: авторитаризм, агрессивный национализм, ксенофобия. Особенno трагическая страница — это балканские конфликты, где нарушаются права человека и права меньшинств, где происходят «этнические чистки» и даже геноцид. Должен беспокоить тот факт, что даже в укоренившихся западных демократиях поддержкой пользуются политические силы, которые в свои программы внесли ненависть к людям другой национальности. И, хотя стабильность и безопасность нашего континента в общей сложности, укрепляется, многие люди чувствуют, что их личная безопасность нарушается. Процессы объединения сопровождаются возникновением новых разделов. Во многих высокоразвитых странах Запада можно даже встретиться с мнением, что некоторые регионы Европы по существу неспособны к интеграции. Даже если это мнение не касается Польши, оно вызывает нашу высочайшую обеспокоенность. Мы видим также, что слабеет вера многих людей в способность Европы развиваться. «Евроскептицизм» обжился в общественном мнении Запада и стал его устойчивым элементом. Все более настойчивым становится вопрос: в состоянии ли Европа справиться с мировой конкуренцией? Обладает ли европейская социально-экономическая модель такой силой тяги, чтобы вынести нас в будущее? Я отвечаю: да! Но если бы принятию новых членов в Европейский союз предстояло сильно отодвинуться в будущее, то ответом у нас была бы волна общественного уныния, разочарования в предпринятых усилиях. Эта волна вместе со встречной волной западного «евроскептицизма» причинили бы европейскому проекту существенный вред.

Я здесь воспринимаю себя как представителя миллионов жителей Центральной и Восточной Европы. Тех, кто верит в успех Европы. Мы убеждены, что перед европейской цивилизацией открывается великое будущее, а объединенный континент даст наиболее эффективный ответ на многообразные вызовы. Хотелось бы, чтобы западные страны видели в нас не только кандидатов в европейские структуры, но прежде всего партнеров, помогающих в строительстве европейского благополучия. Это вопрос о солидарности в жизни Европы. Именно это чувство солидарности требует от Польши, чтобы она боролась за место в Европейском союзе и для наших соседей — Словакии и Литвы, а также Латвии, Румынии, Болгарии, для других жителей континента. Некоторым этот вопрос представляется преждевременным, или даже неуместным, ибо затрагивается страной, которая сама еще не стала членом ЕС.

Я, однако, считаю, что именно таким образом Польша доказывает, насколько серьезно и ответственно она относится к европейскому проекту. Ибо для нас объединенная Европа — это не спасательная шлюпка: чем больше ты в нее рвался, тем сильнее потом отталкиваешь других. Объединение Европы не может происходить иначе, нежели поэтапно. Интенсивность и длительность этих этапов сегодня никто не в состоянии предвидеть. Одновременно мы понимаем, что Европа — это не абстрактные представления мечтателя, что Европа где-то заканчивается. Я уверен, что в XXI веке нам предстоит ответить на несколько основополагающих вопросов.

Чрезвычайно важен вопрос о России, о характере ее связей с Западом, с Евросоюзом, с НАТО, с Центральной Европой. Нельзя недооценивать значение этого вопроса. Ответ даст прежде всего сама Россия. Не менее важен вопрос и об Украине, об успехе ее хозяйственных реформ, о том, как она будет выбирать стратегические решения. Без Украины безопасность и возможности Европы могут оказаться неполными. Реальным стал и вопрос об участии Турции в Европейском союзе. Европа, открытая для сотрудничества с Востоком, в том числе и с соседними азиатскими странами, — это великий вызов цивилизации, который, несомненно, предъявит нам XXI век. Польша желает и умеет принимать вызовы такого рода.

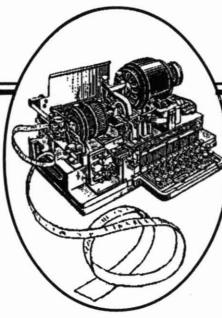
Подытоживая эти выводы, мне хотелось бы использовать фразу Жана Монне. Он великолепно определил смысл европейского единства: «Мы объединяем не государства — мы объединяем людей». Второй итоговой идеей мне хотелось бы сделать слова нашего хозяина, господина Тьерри де Монбрияля, написавшего: «Если история XX века может чему-либо научить, то убеждению, что реализм и идеализм не исключают друг друга, а взаимно дополняют». Пусть это станет для нас указанием, способствующим строительству европейского дома.

Ноябрь, 1999

KULTURA

Виктор Кулерский

Хроника (некоторых) текущих событий

Виктор Куллерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

❖ Мишель Камдессю, директор Международного валютного фонда: „Я помню, чем была Польша. (...) Это была печальная страна под угрозой гиперинфляции, отягощенная огромным долгом и страшной неуверенностью в завтрашнем дне. (...) То, что совершила тогда Польша, беспрецедентно. (...) Успех достался тем странам, которые, как Польша (...), не поддались соблазну поисков третьего пути”. („Газета Выборча”, 1999, 11-12 дек.; „Жечпостолита”, та же дата)

❖ В 2000 г. Польша будет одним из особенно быстро развивающихся государств Центральной Европы. Национальный валовой доход возрастет примерно на 5,1% (в Европейском союзе этот показатель составляет около 3%). Инфляция составит 6%, а дефицит текущего счета — 8,1%. (Прогноз Европейской комиссии)

❖ Звание „человека 1999 года” в конкурсе журнала „Впрост” получил Бронислав Геремек. Говорят Геремек, министр иностранных дел: „Есть у меня также принцип, которому я следую как член правительства: всегда склоняться перед меньшинами и высоко держать голову перед теми, кто больше. Представителям крупных государств я не позволял держать меня на дистанции, ставить в зависимость, а в контактах с меньшинами всегда стараюсь, чтобы они не испытывали принижения и не подумали, что я отношусь к ним высокомерно”. Он же, профессор-медиевист: „Мои исследования бедноты вытекали из необходимости показать людей, о которых история умалчивает”. („Впрост”, 2000, 9 янв.)

❖ Президент Александр Квасневский в специальном послании в связи с отставкой Бориса Ельцина подчеркивает его роль в примирении обоих народов путем обнародования правды о Катыни. Заявление министра иностранных дел Бронислава Геремека содержит выражения

признательности Ельцину за его вклад в демократизацию России.

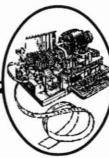
❖ О переменах в Кремле. („Впрост”, 9 янв.)

Лех Валенса: „Президента Ельцина я вспоминаю с добрыми чувствами. (...) После ухода Ельцина положение не становится опасным, так как Россия, вне зависимости от того, кто будет президентом, она неизбежно сохранит демократические стандарты. Такие правила действуют во всем нашем мире. (...) До сих пор Путин был защищен ельцинским „зонтиком”. Посмотрим, как он будет справляться сам, когда сосредоточит на себе все надежды и все нападки российских граждан”.

Премьер-министр РП Ежи Бузек: „Рассудительность и смелость Ельцина привели в 1991 г. к мирному роспуску Советского Союза, и тем самым удалось избежать трагической судьбы, ставшей уделом народов Югославии. (...) Благодаря Ельцину в России сохранилось направление движения от коммунизма к демократии и свободному рынку, а Польша и Россия смогли преодолеть свою нелегкую общую историю”.

Кшиштоф Скубишевский, бывший министр иностранных дел РП: „При его [Ельцина] президентстве наступила нормализация польско-российских отношений. (...) Ельцин видел дальше и лучше многих российских политиков, часто настроенных националистически. (...) В России по-прежнему пользуются успехом неоимперские концепции, в этом Ельцин не совершил существенного перелома. (...) Следует пожелать, чтобы Россия пошла тем путем, на который Ельцин поначалу вступил, но затем остановился и не пошел до конца”;

Станислав Чесек, бывший посол в Москве: „Мои впечатления о реальности программы Путина могут быть ошибочными. Я скорее чувствую, нежели знаю, что в нее входят добрые намерения молодого поколения российских реформаторов”. („Жечпостолита”, 3 янв.; „Газета Выборча”, 4 янв.).

❖ Новый анекдот. Бывший канцлер Гельмут Коль спрашивает бывшего президента Бориса Ельцина: „Борис, чем отличается германская демократия от российской?” Ельцин: „Тем же, чем твой иммунитет отличается от моего”. („Впрост”, 9 янв.)

❖ Рышард Капусцинский, писатель, автор знаменитых книг-репортажей: „Польша лежит на границе. Одной ногой мы стоим в западной цивилизации развития, но другой — ближе к православной, прежде всего российской, цивилизации, которая в последние сто лет явно представляет собой цивилизацию выживания. (...) Польша стоит на историческом повороте. (...) Будет ли польский дух означать способность к новшествам, творчеству, эффективному сотрудничеству или же, наоборот, жизнь изо дня в день, оглядку на других, деструктивные конфликты и импорт идей? Мы можем включиться в созидание цивилизации развития, но можем и (...) эволюционировать в сторону цивилизации выживания”. („Газета Выборча”, 1999, 24-26 дек.)

❖ Пшемыслав Гинтровский, бард „Солидарности”, в 10-ю годовщину Третьей Речи Посполитой: „Позади остались пятьдесят лет коммунизма, разорившего нашу страну. Теперь у нас магазины полны, улицы наших городов хорошият. Но это все еще фасад, позолота. Крестьянам их труд не окупается, шахтерам — тоже”. („Жечпосполита”, 1999, 13 дек.).

❖ Проф. Ян Винецкий, председатель совета Товарищества польских экономистов: „Мы — одно из быстрее всего развивающихся государств мира. (...) Проблема Польши — сами поляки, ожидающие манны небесной и считающие, что все им положено без труда и собственной активности. (...) Наша особая польская проблема состоит в том, что мы постоянно находимся под влиянием правительства, — будь то левых или правых, — над которыми господствуют профсоюзы”. („Впрост”, 1999, 12 дек.)

❖ В прошлом году частный сектор экономики получил 7,4 млрд. злотых чистой прибыли. Общественный сектор потерял 2,1 миллиарда.

Средняя зарплата в частном секторе составляла 85% зарплаты в общественном секторе. (По данным министерства экономики)

❖ Покупательная способность зарплаты в Польше за последние 10 лет повысилась на 8%, но остается в два с половиной раза меньше, чем в странах Европейского союза. („Политика, 2000, 8 янв.)

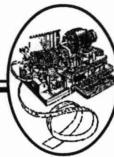
❖ Продуктовая „корзина”, единица ежедневного потребления, содержит 3000 калорий: 450 г углеводов, 100 г жиров и 75 г белков, или 800 г хлеба, 125 г масла и 150 г колбасы. В 1989 г. средней зарплаты хватало на 201 „корзину”, в 1999-м — на 362. („Впрост”, 1999, 12 дек.)

❖ Сотрудники фискального управления в Грифине (Западная Поморье) сожгли 5,6 тыс. единиц новой одежды, конфискованной у торговцев из-за поддельных фирменных марок. После протеста организаций социальной помощи, которые могли передать эту одежду нуждающимся, дело расследует прокуратура. („Жечпосполита”, 1999, 15 дек.)

❖ Иоанна Боянская, заведующая отделом моды журнала „Твой стиль”: „Величайшая ошибка поляков — слепое следование моде. (...) Это вытекает из неуверенности в себе”. („Впрост”, 1999, 12 дек.)

❖ Свыше 90% хозяйств, разводящих крупный рогатый скот, и свыше 95% мясокомбинатов в Польше не отвечают нормам Европейского союза. Только пять из 424 молокозаводов и три из 375 рыбокомбинатов отвечают требованиям ЕС. („Впрост”, 1999, 12 дек.)

❖ Если Польша после вступления в ЕС пожелает воспользоваться дотациями для сельского хозяйства, то должна будет заняться подробнейшим учетом. В компьютерной системе ЕС зарегистрировано каждое поле площадью свыше 0,3 га, а каждый теленок при рождении получает удостоверение, сопутствующее ему до самой бойни. („Впрост”, 1999, 12 дек.)

❖ Лешек Миллер, председатель СЛДС, на I съезде партии: „Союз демократических левых сил поддерживает процесс интеграции и рассматривает членство Польши в Европейском союзе как принципиальную цель польской стратегии развития”.

❖ Из заявления I съезда СЛДС от 19 дек. 1999: „Мы относимся с признательностью и благодарностью к тем, кто сумел противостоять бесчестию „ялтинской” системы. (...) Мы осуждаем преступления коммунистического тоталитаризма”.

❖ Президент Александр Квасневский в письме I съезду СЛДС, 19 дек. 1999: „Мы должны признать, что под знаменами левых в Польше совершились преступления”.

❖ Варшавский апелляционный суд отменил постановление Столичного окружного суда, отменившего регистрацию Союза польских коммунистов „Пролетариат”. („Жечпостолита”, 1999, 29 дек.)

Рис. Józef Kaczmarszyk

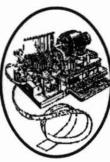
❖ Мемориальную доску, установленную в Цешине в 1880 г. в честь визита императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа I и пропавшую в 1920 г., нашли на чердаке. Мемориальная доска вернется на свое место в городской ратуше. (ПАП)

❖ В ходе работы по составлению государственного бюджета 2000 года депутаты уменьшили на два миллиона злотых На два миллиона злотых уменьшили бюджет канцелярии президента. Теперь эти деньги предназначены на дополнительное финансирование пожарной охраны в Прикарпатье.

❖ Согласно постановлению отдела люстрации Апелляционного суда, депутат Сейма от г.Ольштына Тадеуш Матыек подал неправдивое люстрационное заявление: в 1967-1975 гг. он был сознательным секретным сотрудником органов госбезопасности ПНР. Если постановление вступит в силу, Матыек потеряет депутатский мандат и в течении 10 лет не сможет занимать государственных и общественных постов. [Еще раз напомним русским читателям, что наказанию подлежат не те, кто сотрудничал с органами, а те, кто дал ложное показание при подаче люстрационного заявления, обязательного для лиц, занимающих выборные и многие назначаемые должности].

❖ Лех Валенса: „В 70-е годы я подписал несколько бумаг, но никакого документа о сотрудничестве [с органами]. Никакого. И никакой расписки за деньги. А подпись моя на двух документах нашлась. Это сделали профессионалы, и кто мне поверит, что это неправда? Верят госбезопасности, верят этим бумажкам, а мне не верят. (...) Столько трусливых людей, они не боролись и не в состоянии себе представить, что Лех Валенса боролся и одолел органы. (...) И это моя драма”. („Газета Выборча”, 2000, 5 янв.)

❖ Обвинения польских спецслужб в проведении нелегальных действий прекратились только после чистки кадров и введения тщательного контроля, вмененного комиссии Сейма. („Впрост”, 1999, 26 дек.)

🦋 Четверо поляков просят политического убежища в Белоруссии. Против одного из них в Польше ведется уголовное дело. (ПАП)

🦋 Радиостанция „Рация” начала передавать программу на белорусском языке для белорусского меньшинства в Польше (150-300 тыс. человек) с декабря, а для жителей Белоруссии — с ноября 1999 года. Владелец радиостанции — Белорусский союз, в который входят семь белорусских организаций в Польше. Возглавляет компанию “Рация” председатель Союза белорусов Евгений Ваппа. („Жечпосполита”, 1999, 31 дек.)

🦋 Маршал Сейма Мацей Плажинский во время встречи с лидером белорусской оппозиции Семеном Шарецким подтвердил, что Польша признаёт белорусским парламентом только представляемый им Верховный совет, а не тот, что создан Александром Лукашенко. (ПАП)

🦋 О Союзе Белоруссии и России: „...есть основания тревожиться. (...) Лукашенко утверждает, что уже сумел договориться с Ельциным насчет размещения в Белоруссии сильной военной группировки, нацеленной на Запад”. (Славомир Поповский, „Жечпосполита”, 1999, 10 дек.)

🦋 „...в Европе изменились геополитические и экономические реалии, но политика поставок газа и нефти на польский рынок мало отличается от принципов, применявшихся во времена СЭВа. Единственное различие состоит в том, что занимающиеся этим компании сменили юридическое лицо. Основное для экономики сырье мы по-прежнему ввозим из России, и в ближайшие годы практически нет возможности изменить такое положение дел. Это не обеспечивает Польше ни сырьевой безопасности, ни безопасности в целом”. („Впрост”, 1999, 19 дек.)

🦋 В 1999 г. стоимость польского экспорта в Россию уменьшилась на 69%, а импорта из России — на 6,8%. Российская Федерация, которая была третьим рынком польских товаров, в 1999 г. передвинулась на 11-е место. („Впрост”, 2000, 2 янв.)

🦋 Ежи Помяновский, литературовед, критик, переводчик, главный редактор „Новой Польши”: „...существует опасность, что в России придут к власти люди, которым нечего предложить соотечественникам, кроме имперской химеры, т.е. возвращения на путь, который совсем недавно привел Россию и мир на край пропасти. Но одновременно в России (...) множатся публикации, доказывающие, что территориальная экспансия — это экономический анахронизм (...) появляются политики, в том числе и национально настроенные, которые повторяют, как, например, Александр Лебедь (не советую пренебрегать им), что время империй миновало”. („Тыгодник Повиехны”, 1999, 12 дек.)

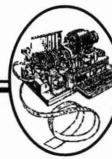
🦋 22 декабря премьер-министр РФ Владимир Путин пообещал нанести визит в Польшу: “Мы заинтересованы в развитии контактов с Варшавой. Мы сделаем все, чтобы этот визит имел весьма практический, а не только официальный характер”. (ПАП)

🦋 Александр Авдеев, замминистра иностранных дел РФ, о польско-российских отношениях: „Во-первых, мы должны закончить пересмотр договорно-правовых основ (...) того, что подписывалось в тоталитарный период. Во-вторых, надо преодолеть психологические стереотипы. (...) Наконец, урегулировать проблемы, связанные с имуществом дипломатических представительств в Варшаве и Москве. (...) Мы не несем ответственности за преступления сталинизма. (...) Мы сами были жертвами этих преступлений, даже в большей степени, чем кто либо другой”. („Впрост”, 1999, 12 дек.)

🦋 21 января правительство Польши объявило персонами нон грата девять российских дипломатов, пребывающих в РП.

🦋 22 января правительство России объявило персонами нон грата девять польских дипломатов, пребывающих в РФ.

🦋 „Российское правительство, готовя апокалипсис чеченцам, лишает свою страну той симпатии, которую приобрела Россия, вступив на

путь демократии. (...) Великой стране следует обладать и великой мудростью — вместо соревнования в ненависти”, — из письма, которое подписали Анджей Вайда, Кшиштоф Занусси, Рышард Капустинский, Войцех Кильяр, Станислав Лем, Чеслав Милош, Кшиштоф Пендерецкий, Вислава Шимборская, Марек Эдельман. („Жечполита”, 1999, 13 дек.)

﴿ „Новая война в Чечне (...) ведется исключительно жестоко (...) российская сторона пренебрегает вопросами как безопасности гражданских лиц, так и опеки над беженцами, достигая военных успехов путем нарушения международных стандартов прав человека по отношению к мирному населению. (...) Такого рода политика (...) возбуждает наше несогласие” (из постановления комиссии иностранных дел Сейма РП).

﴿ Ген. Болеслав Бальцерович, профессор Академии национальной обороны: „Что мы можем назвать победой России в этом конфликте? Контроль армии над всей Чечней, чтобы сделать невозможными партизанские действия? Ну а что дальше? Оккупация чеченцам не в новинку. (...) Россия окажется перед серьезной политической проблемой: что делать с чеченцами?” („Газета Выборча”, 2000, 5 янв.)

﴿ Кристофер Паттерн, комиссар Европейского союза по международным отношениям: „Во время I Мировой войны 85% убитых составляли военнослужащие. Сегодня 85 или больше процентов убитых и раненых — гражданские лица”. („Впрост”, 1999, 19 дек.)

﴿ Папа римский Иоанн Павел II в своем послании на Всемирный день мира (1 января) пишет: „...когда возникает опасность, что гражданское население падет жертвой неправедного агрессора, а попытки политических действий и ненасильственной обороны кончаются ничем, тогда оправданы и даже необходимы конкретные шаги с целью разоружить агрессора”.

﴿ Премьер-министр РП Ежи Бузек, обращаясь к израильской молодежи в центре образования в Иерусалиме: „О катастрофе еврейского народа мы говорим в государственных школах. Готовим также

учебники по этой теме. Польская молодежь посещает бывшие концлагеря”. („Газета Выбора”, 1999, 10 дек.)

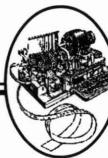
﴿ В „освенцимской лжи”, т.е. в попытке опровергнуть наличие газовых камер, убийств с помощью „циклона-Б” и численность истребленных евреев, признан виновным Дариуш Ратайчак, преподаватель Опольского университета, автор книги „Опасные темы”. 7 декабря районный суд в Ополе прекратил дело ввиду „малого общественного вреда деяния”.

﴿ Полиция и Управление охраны государства ликвидировали одну из крупнейших в Польше преступных группировок, известную как „Лодзинский осьминог” и проникшую в государственные органы. В ее рядах — известные предприниматели, адвокаты, врачи, государственные чиновники и сотрудники тюремной охраны.

﴿ „Кто на самом деле возглавляет польскую мафию? (...) Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к начальному периоду возникновения организованной преступности, т.е. к рубежу 80-90-х. (...) Милиционеры и уволенные гебешники массово переходили тогда в бизнес. (...) Они приземлялись прежде всего в фирмах, занимающихся торговлей горючим и алкоголем, захватили ведущую роль в охранных агентствах, банках, предприятиях с участием поляков за границей и фирмах внешней торговли”. („Впрост”, 1999, 19 дек.)

﴿ После того, как МВД провело проверку 257 охранных агентств, у сорока из них отобраны лицензии, а против 50-ти возбуждена процедура поаннулирования лицензий.

﴿ „Бандиты нападают повсюду, в любое время и в любом районе [Варшавы]. Почему в наших пальто нет внутренних карманов, как в мужской верхней одежде? Мы всё носим в сумочках и поэтому чаще подвергаемся бандитским нападениям. (...) Курсы самообороны — хорошая идея, но как мне защититься от бандита, когда я возвращаюсь домой, нагруженная авоськами? Нелегко вступать в драку, держа полную сумку картошки. Полицейские только советуют быть осторожными”. („Газета Выборча”, 1999, 16 дек.)

„Молодые полицейские очень любезны. Они говорят, что они еще не сошли с ума, чтобы заниматься розысками тех, кто совершают такие нападения”. („Газета Выборча”, 1999, 17 дек.)

„Столичное управление [полиции] хочет, чтобы полицейские участки выглядели более уютно (...) будет большой зал ожидания. Кофе, чай. Если не тут же заваренный, то из автомата”. („Газета Выборча”, 1999, 17 дек.)

Во время Рождественской всенощной в костеле Обращения св. ап. Павла в Варшаве пьяные молодые люди побили ксендза и мириан. Серьезно избитый ксендз, боясь мести, отказался пройти судебно-медицинскую экспертизу и подать жалобу. Виновники освобождены из-под ареста. („Газета Выборча”, 1999, 27 дек.)

За столами в Сочельник традиционно оставляют место для нежданного гостя. По опросу общественного мнения Лаборатории социальных исследований, 60% опрошенных поляков охотно приняли бы ксендза, 13% — нищего. („Жечпосполита”, 1999, 23 дек.)

К семи годам тюремного заключения за превышение необходимой обороны приговорен варшавским судом полицейский, который, защищая жертву разбоя, выстрелами в упор застрелил двух человек. „Не вступая в бой с бандитами, мы останемся при здоровой уверенности, что не превысим необходимой обороны и не окажемся в тюрьме. У этого подхода есть, однако, и слабая сторона: желая избежать тюрьмы, мы, увы, рискуем собственными похоронами”, — написал Януш Войцеховский. („Жечпосполита”, 1999, 24-26 дек.)

„Усыплять карпа [карп у поляков — традиционное блюдо в Сочельник] с помощью соли — это прямое варварство. (...) Карпа убивают, надрезав его в двух местах. От головы до позвоночника и у самого хвоста. Тогда рыба тут же умирает”. („Газета Выборча”, 1999, 27 дек.)

В 1999 г. обнаружено около миллиона капканов и раскрыт 3091 случай браконьерства.

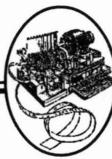
Численность лосей снизилась на 27%, кабанов — на 22, косуль — на 18, оленей — на 15. В некоторых районах Польши уже уничтожили всех косуль и зайцев. Животные, убиваемые браконьерами, всегда умирают в страданиях. И всегда борются за жизнь до последнего вздоха, особенно самки, беременные или оставляющие малых детенышей. Крестьяне прячут нелегально выращиваемых борзых в погребах или в ямах, прикрытых разрубленной надвое металлической бочкой, и морят их голодом, чтобы охотиться ночью. На Поморье браконьерством занимаются целые коллективы распущенных госсельхозов. („Пишглёнд Тыгоднёвы”, 1999, 15 дек.)

Министр финансов предназначил 20 млн. зл. на расширение Беловежского национального парка. Министр охраны окружающей среды снизил эту сумму вполовину и девять миллионов отдал гминам, возражающим против расширения заповедника. („Впрост”, 1999, 12 дек.)

Януш Левандовский, бывший министр преобразований форм собственности: „Мы не делаем капиталовложений в образование, науку, одним словом, в будущее, так как государственные деньги идут на выметание мусора, оставленного коммунизмом, и на выполнение социальных обязательств”. („Жечпосполита”, 1999, 28 дек.)

Вальдемар Кучинский, советник премьер-министра по экономическим вопросам: „При слабой экономике, а такова она в Польше, наука должна выполнять (...) образовательные и культуротворческие задачи. Однако нельзя считать ее двигателем экономического развития. И нечего мечтать, что благодаря собственным научным исследованиям мы окажемся в авангарде мирового технологического развития” („Впрост”, 1999, 12 дек.)

Дисциплинарная комиссия Вроцлавской экономической академии наложила взыскания на четырех научных сотрудников за plagiat из книги профессоров Анджело Альбини и Сильвио Пьетро. Проф. Анджей Ендрычко из Катовицкой медицинской академии, допустивший более 30 случаев plagiat, лишен право преподавать в высших учебных заведениях. („Жечпосполита”, 1999, 18-19 дек.)

❖ Проф. Януш Тазбир: „В начале XVII века Валериан Неканда Трепка составил толстый перечень лиц, бесправно объявляющих себя шляхтичами. Живи он сегодня, он работал бы над списком государственных чиновников, бесправно присваивающих звание профессора. Иногда всяких титулов бывает столько, что они прямо разрывают визитную карточку”. („*Тыгодник Повшехны*”, 1999, 19-26 дек.)

❖ По мнению Чеслава Милоша, численность избирателей, голосовавших за „Унию свободы” (ок. 7%), близка к численности шляхты в былой Польше, а образ шляхтича остается в Польше единственной моделью поведения. По мнению нобелевского лауреата, Польшу населяют два племени — интеллигенция и простонародье („*Жечпосполита*”, 1999, 2 дек.)

❖ Президент Александр Квасневский не подаст в суд на Леха Валенсу за слова „лодырик и алкоголик”, сказанные по его адресу в передаче „Радио Зет” 14 декабря. „Я хотел бы всегда говорить только хорошее о своем предшественнике, уже занявшем место в истории”, — сказал президент. („*Газета Выборча*”, 1999, 16 дек.)

❖ Министр культуры Анджей Закшевский наградил медалями „За заслуги перед польской культурой” издателей, авторов, печатников и распространителей неподцензурной печати. За последние 10 лет коммунизма в Польше было издано около 4,5 тыс. неподцензурных книг и ок. 2 тыс. названий неподцензурной прессы.

❖ При мониторинге четырех самых популярных польских телеканалов (ТВ-1, ТВ-2, „Польсат”, ТВН) в течение одной недели (15-21 ноября) зарегистрировано 2366 сцен насилия и жестокости, 563 трупа, 799 эротических сцен (в т.ч. 64 — „крутых”) и 544 случая употребления ненормативной лексики. Председатель совета РТВ (радио и телевидения) Юлиуш Браун назвал доклад, представленный газетой „Жечпосполита”, докладом не столько о телевидении, сколько о современной цивилизации. („*Жечпосполита*”, 1999, 9 дек.)

❖ Сотрудники зоопарка поставили телевизор перед клеткой с шимпанзе, которые часами смотрели сцены, полные динамики, движения, стрельбы. На трансляцию заседаний Сейма, интервью и репортажи они реагировали скучай, раздражением, а то и швыряли в телевизор отбросы. („*Жечпосполита*”, 1999, 9 дек.)

❖ Збигнев Бжезинский, политолог, в прошлом советник президента Джимми Картера по вопросам национальной безопасности: „Культура утратила общественное согласие в области этики, а ее представители уже не знают, что нравственно, а что безнравственно. (...) Серьезную тревогу вызывает тот факт, что телевидение взяло на себя функции семьи в воспитательном процессе. (...) Без религиозного возрождения не наступит и возрождение нашей культуры”. („*Впрост*”, 1999, 2 дек.)

❖ „Человеческая жизнь не подчинена слепой судьбе. (...) Бог не призывает к пассивности, Он призывает нас быть творческими”. (Из обращения брата Роже, основателя экуменической общины во французской деревне Тезе, к 70 тысячам молодых людей разных национальностей, культур и вероисповеданий, собравшихся на XXII Европейской встрече молодежи в Варшаве 28-31 декабря 1999 г.)

ОТ РЕДАКЦИИ

В тексте ХРОНИКИ (НЕКОТОРЫХ) СОБЫТИЙ в № 4 НП в конце последнего абзаца на странице 48, вместо „Газета Выборча”, 1999, 19 ноября, должно быть напечатано „Газета Грудзёндска”.

В тексте интервью проф. Я. Тазбира в № 4 НП на стр. 17 неправильно напечатана фамилия воеводы Волыни: вместо Генрик Юзефовский должно быть Генрик Юзевский.

В статье Манука Жажояна „ПОЭМА КАРОЛЯ ВОЙТЫЛЫ” в предпоследней строке первого абзаца неразборчиво напечатан текст, который должен быть написан латинским шрифтом: *via dolorosa*. За ошибки приносим извинения авторам и читателям.

Редакция

Ежи Помяновекий

Отречение от власти

Ежи Помяновский

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ВЛАСТИ

Уходящий век изобиловал совершенно исключительным множеством случаев более или менее добровольного отказа властителя от власти. На Западе дело вот уже двести лет объясняется просто: принятие конституции принуждало властителя считаться с обществом и его мнением насчет того, что прилично, а что нет. Результаты этого бывали весьма эффектными. В Италии король Виктор-Эммануил III попытался выпутаться из военного поражения, которое Италия претерпела вместе с Гитлером, запоздалым переходом на сторону союзников, но в конце концов, был вынужден передать престол сыну. Сын его, Умберто, хоть и весьма симпатичный, процарствовал едва месяц и отрекся от престола после плебисцита, где республиканцы чуть-чуть обошли монархистов. Stalin, однако, признал аналогичную смену союзничества, произведенную румынским королем Михаилом, достойной награды, и позволил молодому монарху легально уехать на поезде из страны, притом в западном направлении. Император Германии Вильгельм II должен был отречься от престола, потерпев поражение в мировой войне, король Испании Альфонс XIII — всего лишь на муниципальных выборах. В Бельгии король Леопольд III после II Мировой войны отдал престол сыну Бодуэну, так

как подданные сочли его поведение по отношению к оккупантам двусмысленным. История отречения от престола английского короля Эдуарда VIII, пожелавшего жениться на своей возлюбленной, в Польше широко известна благодаря песне о „пани Симпсон”.

Отречения от власти президентов имели характер, я сказал бы, органичный. Даже отставка Никсона стала не компрометацией системы, а успехом Америки и законности. Уход де Голля лишь прибавил уважения к нему, как к человеку проявившему высокое чувство чести. То же самое произошло и с Франческо Коссигой, который после своей отставки играет важную роль на политической сцене Италии.

В России институтом отречения от власти пользовались реже, зато протекало это несколько более драматически.

В 1564 г., на 17-й год царствования, Иван Грозный внезапно выехал из Москвы в Александрову слободу, а на следующий день грамотой известил, что отрекается от престола, ибо не может совладать с боярами, вельможами и соперниками, жаждущими захватить престол. Одновременно в другой грамоте он заверял простой люд московский в своем к нему доверии. Уже через несколько дней делегация московского

простонародья на коленях просила царя вернуться и защитить их от всевластия олигархов. Царь отменил свое отречение и учредил опричнину, полицейское государство в государстве, сняв тем самым с повестки дня вопрос оппозиции.

В 1917 г., 2 марта по новому стилю, депутаты Государственной Думы Гучков и Шульгин прибыли к царскому поезду, стоявшему на запасных путях в Пскове, и уговорили царя Николая II отречься от престола в пользу брата Михаила, который вслед за ним тоже отрекся. Власть уже несколько дней валялась на улице, и к ней протянули руки временный комитет Думы (только что распущенной) и временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. Ни в одном из них у большевиков не было ни большинства, ни серьезного влияния. Тем не менее, уже через семь месяцев они совершили государственный переворот.

Александр Солженицын в недавнем телевизионном интервью возложил на царя вину за последствия несвоевременного отречения. Вероятно, он поразил тех, кто считает его слепым певцом „старого режима“. Подождем, что он скажет о новом.

31 декабря 1999 г. отрекся от власти Борис Ельцин, первый президент Российской Федерации. Во многом его права не уступали правам Николая II. Но если помазанник мог не заботиться о том, кто унаследует престол, Ельцину конституция позволяла назначить себе наследника, поставив его на пост премьер-министра.

При всех многочисленных претензиях и справедливых упреках Ельцину он заслуживал чего-то большего, чем все рассказы насчет семьи, банковских счетов, капризов, пьянства и промахов, месяцами украшавшие страницы газет. Сегодня недостаточно заменить их залпом почетного салюта. Недостаточно и похвалить его личное мужество и упорство в борьбе с болезнью. Зато следует напомнить, что при Ельцине, за редкими исключениями, в России не было узников совести, что он не приказывал конфисковать тиражи газет, нападавших на него, что он поддерживал введение храмов, но не навязывал стране государственную религию.

Но прежде всего — и особенно в Польше — следует вспомнить его историческую заслугу: он распустил Советский Союз.

Горбачев еще верил, что это допотопное животное может пройти ускоренную эволюцию. Ельцин уже не желал быть политическим Лысенко. Разумеется, он лишь отразил экономическую необходимость и дал ей выход, скинул замшелый барьер на пути развития регионов и национальных республик. Может быть, он сделал это мимоходом, побуждаемый амбициями провинциального консула, которого зажимал центр. Так или иначе, но благодаря Ельцину оказалось, что Россия может жить без советской упряжи. И, несмотря на объятия с Лукашенко, Россия еще не стала вассалом феодальной Белоруссии.

Приманка для жаждущих восстановить прошлое все та же, и лежит

она на том же белорусском трамплине для прыжка на Запад. Прыжка над Польшей. Но те, кто по-прежнему об этом мечтает, видели в Ельцине главного врага: он подавил августовский путч, а позднее не допустил к власти националь-большевиков Зюганова и К°. Раз за разом он пытался зажечь зеленый свет реформаторам — от Гайдара до Кириенко.

Да, конечно, всего этого мало. А остальное — даже не молчание, а клочок бумаги. Как ельцинский указ о праве крестьян на полную и подлинную земельную собственность. И не кто другой, а именно красно-коричневая Дума помешала ему провести эту важнейшую реформу в жизнь. Но миллионам граждан России он сказал на прощанье, что к прошлому возврата нет. И это повторил его преемник.

Возможно, Путин серьезно относится к этим словам, — об этом может свидетельствовать его союз (разве только предвыборный?) с партией либеральных реформаторов. Но тогда ему нужно (вместе с ними) принять во внимание, что то, что обеспечило ему роль преемника и успех на выборах, одновременно представляет собой опасный балласт. Речь, разумеется, идет о войне с чеченцами. Если он одержит победу и избежит долгой войны с партизанами, пожалуй неизбежной, то искушение дальнейшей „реконкисты“ будет иметь двойной результат. Во-первых, оно заставит Россию вновь начать тот самый процесс вооружения и шантажа, который не так давно привел экономику СССР к полному истощению.

Во-вторых, всем соседям России, ближайшим, а вслед за ними и не самым близким, оно навяжет ощущение опасности. Если погром Чечни — это огнестрельная расправа со своими же гражданами, то он неизбежно приводит на память сталинские массовые репрессии, переселения и усмирение целых народов. Если же это война с пограничной провинцией, 170 лет отстаивающей свой суверенитет, то она неизбежно вызовет у других граждан бывшего „социалистического лагеря“ — у украинцев, например, а возможно, и у поляков — обоснованное опасение, что завтра это может стать и их участью. В обоих случаях возникает страх перед Россией и, к нашему сожалению, недружественные чувства к русским. Отнюдь не — смешанное со страхом —уважение, как внушают себе московские штабные. Премьер-министр Путин вышел из рядов спецслужб, и в этом есть хотя бы одна хорошая сторона: он лучше других информирован. Будем надеяться, что он учтет этот риск и выполнит обещание, данное вместе с Ельциным. Из всех искренних пожеланий новому властителю России это — лучшее. Что же касается нас, то *caveant consules**.

TYGODNIK POWSZECHNY

**Caveant consules* (*ne quid res publica detrimenti capiat*) -(лат)- пусть правящие будут бдительны, чтобы республика не понесла какого-либо урона.

Стефан Братковский

Сами себе хозяева

Стефан Братковский

САМИ СЕБЕ ХОЗЯЕВА

Когда несколько лет назад некий Алганов, в то время сотрудник КГБ, приставал с расспросами к руководителям польского «Союза демократических левых сил» и пытался использовать свои давние «дипломатические» связи, я предложил пригласить его вместе с другими сотрудниками разведки наших соседей на официальную встречу и раскрыть им секреты происходящих в Польше перемен. Я написал, что польские журналисты готовы всех, кто проявляет такой интерес к нашему государству, повозить по стране, чтобы они своими глазами увидели, на чем держится Польша, благодаря чему развивается. Ибо тайные сведения хранятся вовсе не в Варшаве.

В польских условиях столица страны, наиболее интенсивно (если не считать Берлина) строящийся город в мире, — провинция. Тут все меняется медленнее, с большими трудностями, чем в других местах; Варшава — средоточие бюрократии, которая, в согласии с законом Паркинсона, разрастается, как и повсюду в мире, независимо от поставленных перед ней задач. Бюрократия, состоящая — чего уж скрывать — из знакомых и однокашников наших политиков, превратила Варшаву, эту витрину польских перемен, в мусорный ящик, куда выбрасываются огромные деньги: местных органов власти расплодилось так много, что денег, затрачиваемых в год на содержание одних только городских советников, хватило бы на постройку моста.

Словом, мы стали бы возить Алганова не по Варшаве.

Как это ни парадоксально, никто не проанализировал опыт реформы Бальцеровича, хотя она произвела в мире настоящий фурор: скачок от фактически феодального хозяйства к рыночной экономике был уникальным экспериментом — больше того, эксперимент этот устоял перед попытками повернуть время вспять. Однако образ Польши изменила реформа самоуправления, действовавшая синхронно с экономической по механизму взаимной поддержки.

Это тоже была революция — революция недооцененная, малоизвестная за пределами Польши: зарубежные корреспонденты, понятное дело, предпочитают обретаться в Варшаве, поближе к органам власти, а из Варшавы страна просматривается плохо. По счастливому стечению обстоятельств, перед переломом 1989 г. наряду с группой Бальцеровича над будущим Польши трудилась группа, созданная *ad hoc*^{*}, полулегально, урбанистом Ежи Регульским, которого я во время военного положения уговорил заняться проблемами самоуправления. Мой друг официально вел семинар по градостроительству, на котором все, кто интересовался этими проблемами, могли их обсуждать. В канун 1989-го — года великих перемен — в костелах подпольно проходили заседания нелегального Гражданского комитета при Лехе Валенце, состоявшего из представителей польской интеллектуальной элиты и тех лидеров «Солидарности», которые не сидели в тюрьмах и не были вынуждены скрываться; все они, к счастью, были единодушны в том, что основой возрождения демократии должно стать местное самоуправление.

Регульский начинал с нуля. Он не знал даже, какие шаги в этом направлении предпринимались после первого польского великого перелома в 1956 году. Не знал, что один из отдаленных районов в предгорьях Карпат по призыву газеты «Попросту», возглавлявшей революционно настроенную молодежь, добивался права самостоятельно вести хозяйство — и получил его! Да, Новый Сонч добился самостоятельности в первые оптимистические месяцы после «польского Октября»; знаменитый «новосончский эксперимент» состоялся и благодаря отдаленности от Варшавы продолжался двадцать с лишним лет. Регульский не был знаком и с опытом районного самоуправления в польских городах, которое удалось кое-где развернуть в начале 70-х — опять-таки благодаря очередной польской «оттепели», последовавшей за драматическими событиями декабря 1970 года. Как не знал и переведившейся на польский язык старой западной литературы, посвященной самоуправлению. Однако, будучи урбанистом высокого класса, он хорошо знал города и их структуру, был знаком с американским опытом и трудами

* Для этого, специально для данного случая (лат.)

американских специалистов по пространственному развитию, во всех своих рассуждениях бравших за основу понятие «самоуправление». Кроме того — и это, пожалуй, всего важнее, — Регульский обладал здравым умом (и столь же здравомыслящими коллегами), а также, я бы сказал, природным чутьем на демократию, своего рода наследственной чертой польских интеллигентов. Когда в сентябре 1989 г. в Польше было создано первое демократическое правительство, группа Регульского буквально за три месяца подготовила проект закона о местном самоуправлении. Закона поистине революционного.

Одновременно автор этих строк сумел опубликовать на страницах самой популярной тогда польской газеты — «Газеты выборчей», информационного «локомотива» перемен, — цикл коротких текстов, содержащих полушутивые рекомендации относительно того, как учреждать и редактировать местные газеты.

По закону Регульского гмины получали право самостоятельно распоряжаться своими деньгами и определять пути своего развития. Полностью от финансирования «сверху» закон их не освободил, однако революция свершилась.

Наряду с реформами Бальцеровича этот закон высвободил огромные запасы инициативы. Можно сказать, что запасы эти накопились в период нелегальной деятельности (1982-1989), что это время сформировало местных лидеров, научило людей коллективным действиям — в условиях, требовавших постоянного сопротивления, в «конструктивной оппозиции».

Однако редко кто из вождей, умевших «сражаться на баррикадах», способен успешно руководить созидательной деятельностью в нормальных условиях — многие просто растерялись, когда дело дошло до практики. И тогда появились новые люди, обладающие смекалкой и темпераментом практиков.

Природа не терпит пустоты. Обретенная свобода действий выдвинула в первые ряды людей, наделенных организационным даром.

Захудалые, унылые, серые, грязные городишки чуть ли не за год полностью изменили свой облик. Я знал сотни таких городишек, поскольку, как бывший репортер, искалесил не десятки даже, а сотни тысяч километров по стране, не столь уж и обширной; за небольшим исключением (всегда находится несколько центров, стойко выдерживающих бессмысленный натиск), все они были отмечены печатью безысходности. Первым плодом революции стал, пожалуй, свет. Мне вспоминается Вена в рассказах моих австрийских друзей. Когда в 1955 г. советские войска еще только собирались покинуть серый и печальный, с неказистыми пустыми магазинами город, а владельцы магазинов и мастерских уже готовились к возрождению рыночной экономики, и в свободной Вене мгновенно произошло чудо: во всех концах города разом вспыхнули неоновые вывески и рекламы, полки заполнились товарами. Нечто подобное мы наблюдали и в Польше: буквально за три месяца поляки забыли про карточки, про систему распределения, про пустые прилавки — все появилось в изобилии, как говорится, «выбирай — не хочу». Мелкая торговля, малое предпринимательство, ремесла, освободившиеся от навязанных режимом ограничений, сотворили чудо, подобное венскому. Средний класс, вызывавший программную ненависть апологетов «реального социализма», еще раз показал, на что он способен.

И он не остался в одиночестве. Приведу один пример. На берегу моря, возле довольно большого, но страшно запущенного тогда Колобжега, было mestечко под названием Устроне-Морске. Там жили люди, прибывшие с бывшей польской Виленщины, включенной в состав Литвы; ее обитатели никогда не отличались расторопностью и практицизмом, и казалось, что такое наследство ничего хорошего не сулит. Однако за короткий срок Устроне неизвестно изменилось. Дома были отремонтированы, открылись рестораны, власти во главе с новым, избранным на свободных выборах бургомистром разобрались, за счет чего городок живет: оказалось, за счет дачников. Из этого следовало, что дачникам, кроме прекрасных пляжей, нужно предоставить чистое море: вряд ли они пожелают купаться в грязной воде, среди отбросов трехтысячного постоянного населения и двадцатитысячной популяции гостей! И Устроне за свои деньги, как только смогло быстро, выстроило и пустило в ход станцию очистки сточных вод. Оно хотело любой ценой опередить Колобжег — так и случилось. По уровню оказываемых услуг Устроне оставил позади город с тридцатью тысячами жителей. Сегодня Колобжег, конечно, наверстал упущенное, и теперь он не менее колоритен: прелестный курорт с санаториями, портом и пляжами, но добрых несколько лет Устроне-Морске на голову его опережало.

Другой пример: крестьянский сенатор с Жешувщины Юзеф Слиш, глава профсоюза «Солидарность» крестьян-единоличников (был и такой профсоюз), привез из Америки, от фермеров Среднего Запада, идею собственных телефонных кооперативов: крупнейшей телефонной корпорации АТИТ невыгодно было прокладывать километры кабеля для небольших групп абонентов и фермеров Среднего Запада, и они сами себя телефонизировали; то же самое было сделано и в Финляндии. Польские крестьяне тоже не могли дождаться, пока государственная телефонная монополия соблаговолит подсоединить их к сети и одарить телефонными аппаратами. А уж дольше всего, вероятно, ждали этого в самых отдаленных от Варшавы областях — в Карпатах. И вот жители двух гмин, расположенных в долине маленькой горной речки Струг: Хмельник-Жешувский и Лонка (их даже трудно отыскать на карте, хотя они находятся всего лишь в 18 километрах от Жешува, если считать по прямой), — нашли в телефонной монополии доброжелательного чиновника, который не пресек их инициативу (хотя, как и прежде, вполне мог это сделать), и, следуя американским инструкциям основали два собственных телефонных кооператива; эти кооперативы в течение полугода телефонизировали каждый по несколько тысяч домов, разбросанных среди десятка горных долин. Оплачивается только абонемент; за местные разговоры — в отличие от действующих в монопольной сети правил — платить не нужно. Абонементной платы хватает на текущее обслуживание, на погашение кредита за лучшее в мире американское оборудование (кредит дали американские фермеры, но погашать его следует неукоснительно и пунктуально), на новое монтажное оборудование, а также на покупку устройств для подключения к электрокардиографическому центру в Жешуве, бесплатно раздаваемых абонентам с кардиологическими заболеваниями! Сегодня Хмельник-Жешувский передает свой опыт другим; в расположеннном в долине Струга двухтысячном старинном очаровательном Тычине есть собственная Высшая школа управления и администрации; Хмельник, задумав обустроить собственный курорт, изучает подземные воды. Даже самая маленькая деревушка в этой долине имеет свою, записанную и опубликованную историю, поскольку тамошние приходские священники собирают и обрабатывают данные о родных местах...

Некий влюбленный в Польшу и польку бельгиец внедрил в Иновроцлаве, небольшом городке в Куявах, фламандскую систему медицинского страхования, основанную на взаимном обеспечении. Система эта процветает, и, кажется, с ней даже намерена ознакомиться польская правительственные администрации. А ведь это всего лишь одно из тысяч начинаний, развиваемых уже не только органами самоуправления, но и организациями, которые на языке западной бюрократии именуются «неправительственными» и которые я называю просто «гражданскими». В них на всей территории Польши трудится около двух с половиной миллионов людей. Целая палитра потребностей и идей полностью запечатлена в варшавском автоматизированном информационном центре, который знает про них все, дает заинтересованным лицам советы и помогает налаживать необходимые связи. В г. Сосновец, например, Общество женщин, которым за сорок, организовало целую продуманную систему взаимопомощи для своих безработных членов: Общество добывает кредиты для создания новых рабочих мест. В других городах родители умственно отсталых детей объединяются для оказания друг другу помощи; есть и организации, собирающие людей, которые готовы помогать тем, кто нуждается в их помощи.

Параллельно возрождается движение общественного взаимного страхования. Это старейшее изобретение рыночной экономики в области страхования вынуждено сейчас начинать свою деятельность на пустом месте, поскольку власти ПНР национализировали самую первую в мире (возникшую в Польше в 1807 г.) Всеобщую организацию взаимного страхования. Такая организация, наиболее подходящая для небогатых стран, обретает все больше сторонников и вскоре составит серьезную конкуренцию коммерческим страховым компаниям, которые — при ширящейся в условиях молодой рыночной экономики преступности (особенно возросло количество краж) — не справляются с оплатой имущественных страховок. Развивается и другое движение финансовой самоорганизации — созданные по образцу американских «кредитных уний» кооперативные сберегательно-кредитные кассы (КСКК). Они насчитывают уже около шестисот тысяч членов и успешно работают как на крупных предприятиях, так и в маленьких городках. Грядущие изменения в законодательстве предусматривают предоставление им таких же кредитных полномочий, какими обладают самые старые и лучшие в мире организации кредитной взаимопомощи — немецкие «народные банки» и «кассы Райффайзена», действующие с середины XIX века, а на польских землях возникшие немногим позже. Прежние власти

Польши загубили и этот опыт городского среднего класса и крестьянства, однако КСКК довольно быстро наверстывают упущенное.

Всех этих сведений не найти в общепольских газетах. Из Варшавы, повторяю, ничего такого не видно. Зато их можно прочесть на страницах местной прессы. Именно местные газеты — недооцененные первопроходцы демократии в Польше. За спиной у них практический опыт буквально сотен подпольных газет и листовок, в 1982-1989 гг. печатавшихся популярным в тогдашней Польше методом «шелкографии», которая позволяла использовать даже... гуталин. В свободной Польше многие из подпольных редакторов и издателей снова взялись за дело. За период с осени 1989 по осень 1990-го возникла тысяча с лишним местных газет. Через два года в Польше их насчитывалось уже более двух тысяч. Такая статистика сохраняется и по сей день. В большинстве своем эти газеты отвечают моим идеалам: они независимы, не опираются на помочь органов местного самоуправления (иногда эти органы даже активно с ними борются), так как никакая власть, даже избранная самим демократическим путем и соблюдающая принципы демократии, не любит, когда кто-то следит за чистотой ее рук.

Не все возникшие в те годы газеты сумели выжить. Некоторые погибли и возрождались, либо на их месте появлялись другие, притом самые разные. В варшавском пригороде Вилянув выходит еженедельник, автор материалов которого, редактор, издатель и продавец — один-единственный человек, бывший профессиональный журналист Анджей Шипульский. Он без памяти увлечен этим своеобразным занятием, поскольку оно позволяет ему установить особый контакт о тем самым читателем, которого каждый день встречаешь на улице. Я знаю супругов Ленских, врача и его жену, которые в Радоме — городе, насчитывающем несколько десятков тысяч жителей, — начали с нескольких скромных страничек газетного текста, а сейчас у них в редакции десять штатных сотрудников и два автомобиля. Я знаю маленький великопольский городок Вонгровец, где есть целых три газеты: две из них, выпускаемые независимыми друг от друга редакциями, выходят, чередуясь, раз в две недели, а одна — раз в месяц, ее готовят третья редакция. Суммарный тираж местных газет в Великопольше (а там их больше, чем в других местах) превышает тираж региональных изданий, что лучшим образом свидетельствует об их популярности и влиятельности.

Эти газеты учат читателей, что нельзя быть равнодушными к нашей общей судьбе. Учат, что для упрочения демократии необходимы коллективные действия, — очень часто именно газеты инициируют различные полезные начинания и объединяют желающих сделать что-либо сообща. Они пишут о своих читателях — каждый может найти себя на газетных страницах, — благодаря чему растет число желающих разместить там рекламу; некоторые газеты — с учетом их скромных размеров — можно назвать прямо-таки финансовыми магнатами. Но и это не все: существуют еще и приходские газеты, и школьные, выпускаемые учащимися, — относительно этого замечательного явления пока мало статистических данных. Каждый год я близко сталкиваюсь с этим миром: будучи членом жюри различных конкурсов, я наблюдаю за растущими из года в год успехами разнообразных газет и раскрываю новых талантливых журналистов.

Идеи местного самоуправления пробиваются на всепольский форум. Один из самых талантливых, компетентных и работающих (!) людей в польской центральной администрации — бывший бургомистр городка Живец; работа в местных органах власти — оказывается, лучшая тренировка для достойных администраторов. Одна девушка из выходящей под Варшавой местной газеты прославилась тем, что придумала меткое название для идеологии, исповедуемой различными мелкими партиями, стремящимися протолкнуть на **все** посты в администрации «своих» людей: «нацизм» — от «наш человек».

Разумеется, не везде все складывается безоблачно. Есть районы с колossalной безработицей, где после краха крупных предприятий «великой социалистической индустрии», не вписавшихся в рыночную экономику, пока еще не проявилась собственная инициатива и не видно новых идей. Но и там кое-что сдвинулось с места, да и сами эти районы выглядят совсем не так, как десять лет назад; на полках магазинов всего вдоволь. *

Величайшая победа реформы Бальцеровича и реформы самоуправления в том, что миллионам поляков были привиты вера в себя и умение полагаться на себя — в одиночку и вместе с другими. Этого уже не испортит никакая неудачная реформа, которую возмутятся проводить в той или иной области жизни те или иные самоуверенные дилетанты.

Эти две реформы сформировали сегодняшнюю Польшу.

Вреден ли зарубежный капитал?

ВРЕДЕН ЛИ ЗАРУБЕЖНЫЙ КАПИТАЛ?

В прошлом году зарубежные инвесторы вложили в польскую экономику больше, чем в экономику какой бы то ни было другой посткоммунистической страны. Радоваться этому или нет? – с таким вопросом обозреватель «Газеты выборчей» Витольд Гадомский обратился к сотруднику крупного германского банка «Дрезденер банк», польскому экономисту, Мацею Олекс-Щитовскому. Он отвечает за связи этого банка со странами Центральной и Восточной Европы.

По мнению Щитовского, не всезарубежные инвестиции выгодны для польской экономики. Не каждый зарубежный инвестор заинтересован в улучшении структуры польской экономики и в том, чтобы самая большая добавочная стоимость производилась именно в Польше. При продаже предприятия в порядке приватизации стратегическому инвестору бывает, что он платит хорошую цену, но долгосрочные последствия могут оказаться невыгодными, так как новый владелец не заботится о развитии приобретенной им фирмы. Многие иностранцы покупают польские предприятия лишь для того, чтобы получить доступ к рынку. Поэтому, считает Щитовский, выгоднее продавать фирму многим желающим (то есть портфельным инвесторам на бирже), чем одному стратегическому инвестору, который возьмет фирму под свой полный контроль. Если фирма динамична, перспективна и высоко рентабельна, то она без труда привлечет капитал любой страны, сохранив при этом национальную тождественность. Если же такими качествами она не обладает, то останется лишь отделением зарубежной фирмы.

Мацей Олекс - Щитовский заверяет, что он далек от национализма и возражает тем польским политикам националистского толка, которые утверждают будто иностранный капитал по дешевке скапливает польские предприятия лишь для того, чтобы их ликвидировать и овладеть польским рынком. С таким мнением он не согласен, но, в то же время, считает, что не обязательно продавать

крупнейшие польские фирмы иностранцам. Многие фирмы в таких отраслях как пищевая промышленность, передача электроэнергии, строительство и производство стройматериалов, а также банковское дело могут и без участия зарубежного капитала стать конкурентоспособными и, в то же время, сохранить польскую тождественность.

- А разве национальная тождественность, в самом деле, столь важна? – спрашивает журналист «Газеты выборчей».

- В стране, такой величины как Польша, значительная часть крупных и динамичных предприятий обязательно должна иметь польскую тождественность. Дело в том, что имея штаб-квартиру на родине, фирма вкладывает значительно больше в развитие производства, внедряет новейшую технологию, создает больше рабочих мест, дает больше добавочной стоимости, платит больше налоговых – чем если бы она была окраинным отделением зарубежного предприятия.

Важен и моральный аспект, считает М. Олекс - Щитовский. Процветающие польские фирмы дадут полякам уверенность в собственных силах, заинтересуют талантливых людей в том, чтобы оставаться на родине. История экономики не знает другой страны средних размеров с 40-миллионным населением, которая в такой степени подчинилась бы стратегическим зарубежным инвесторам, замечает Щитовский. Страны, которые поменьше, как Венгрия, Чехия, Эстония, сознательно приняли роль субпоставщиков. Польша для такой роли не годится. Она вполне способна конкурировать с зарубежными концернами, говорит Щитовский.

Он обращает внимание и на тот факт, что удельный вес зарубежного капитала в польских банках весьма высокий. Им контролируется почти 60 процентов актива. Многие национальные фирмы и целые отрасли наталкиваются на трудности в получении кредита. Дело в том, что в банке, который по сути дела является филиалом

зарубежного банка, решения касающегося крупных проектов принимаются в штаб-квартире, где все еще Польшу считают страной повышенного риска.

С Мачеем Олекс-Щитовским на страницах той же самой «Газеты выборчей» полемизирует Анджей Любовский, другой польский экономист, много лет работающий на руководящих постах в крупнейших банках США. Щитовский рисует мрачную картину: вот, Польша сдвигается на окраину, теряет национальную тождественность, подавляется зарубежным капиталом, пишет Любовский. Без капитала нет развития, а Польше своего капитала не хватает. И вдруг оказывается, по мнению Щитовского, что этого капитала слишком много, что зарубежные инвесторы подчиняют себе польскую экономику.

Почему зарубежный капитал интересуется Польшей? – спрашивает Любовский и отвечает: потому, что видит страну образованных и энергичных людей, видит политическую стабильность, ответственную экономическую политику и стабильную валюту.

Зарубежные предприниматели могли бы угрожать интересам Польши, если бы они вкладывали капитал в одну отрасль, скажем в производство меди или сахарной свеклы. Тогда, за отсутствием отечественного капитала, в стране возникла бы монокультура. Польше это не угрожает, так как зарубежный капитал вкладывает деньги не в одну, а в различные отрасли промышленности, обслуживания и торговли – замечает Любовский.

Он не согласен со Щитовским, что стратегические зарубежные инвесторы (то есть те, кто покупает большинство акций приватизированного предприятия) невыгодны, так как они берут под полный контроль приобретенную фирму. Напротив, стратегический инвестор смотрит более перспективно. Он обновляет оборудование, дает людям работу, обучает их, вводит новую технологию.

Любовский не считает опасным то, что в польское банковское дело входят крупные зарубежные банки. Во-первых, это усиливает конкуренцию между ними на польском рынке, что выгодно для польского клиента. А, во-вторых, спайка с крупными западными финансовыми организациями означает доступ к всемирной

банковской сети, что приближает польские предприятия к надежным источникам финансирования.

Любовский возражает Щитовскому также в том, что вхождение зарубежного капитала ослабляет дух польского предпринимательства, подавляет уверенность в собственных силах. Напротив, высоко развитые зарубежные фирмы, инвестируя в польскую экономику дают возможность польским специалистам развивать свои способности на родине. Сколько молодых поляков покинуло бы родину в поисках более привлекательных шансов, если бы не иностранные фирмы, которые предлагают хорошую зарплату, интересную работу, доступ к новейшей технологии и возможность совершенствовать свои знания, пишет А. Любовский.

Он не считает зазорным и то, что польские предприятия становятся субпостовщиками крупных международных корпораций. Что в этом плохого, если продаешь компоненты по хорошей цене, обеспечивая людям стабильную работу и приличный заработок? – спрашивает Любовский и приводит примеры многих стран, в том числе столь развитых, как Япония, Тайвань, Южная Корея, Израиль, которые процветают на выгодном экспорте компонентов, узлов, полуфабрикатов. Экономика быстрыми темпами становится глобальной, пишет Любовский. Существенно то, где создаются блага, где у людей есть работа, а не то паспортом какой страны обладает владелец фирмы. Автор ссылается на пример США: еще 15 лет тому назад многие американцы оценивали проникнов зарубежных фирм на территорию США как поражение. Сейчас они лишились подобных предрассудков. Широкий опрос, проведенный среди 2600 американских бизнесменов показал, что большинство из них не боятся зарубежного капитала.

Национальная тождественность должна проявляться, прежде всего, в поддержке отечественной культуры, традиции и искусства, а не в том, с какой маркой продаются овсяные хлопья и не в том, что купаешься в ванной, сделанной польским заводом, владельцем которого является поляк, англичанин или голландец, - пишет в заключение Анджей Любовский.

E.P.

Андрей Новак

Ленин как отчим геополитики

Анджей Новак

ЛЕНИН КАК ОТЧИМ ГЕОПОЛИТИКИ

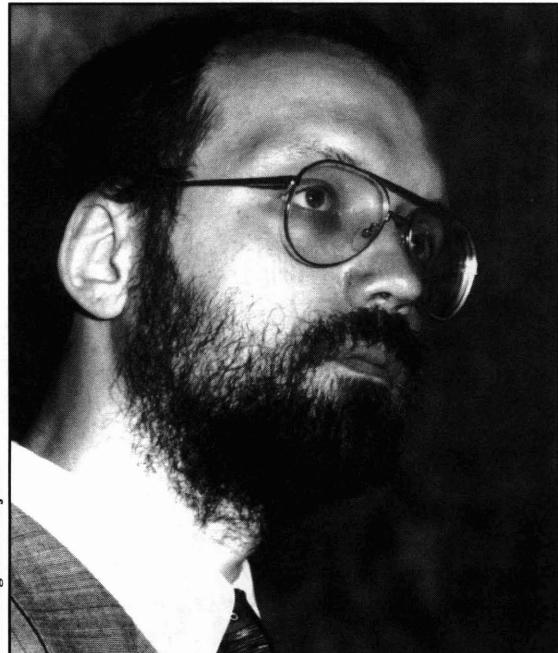

Фото Boguslaw Hajduk

„Невежество, нищета и смесь туманных понятий в замороченных головах горсточки интеллектуалов — такой была Россия до Ленина и большевиков. Потребовался человек, который при всей любви к России отбросил все ограничения и стал прежде всего, гражданином мира. Он соединял в себе невероятно смелое воображение и дисциплину ума, какими никто прежде не обладал не только в России, но и во всей тогдашней Европе. (...) Когда наступил Октябрь, только Ленин и сплотившиеся вокруг него большевики точно знали, чего они хотят и к чему стремятся. Именно поэтому стихийное движение миллионов не превратилось в волну разрушительной неразберихи, хотя очевидно, что где дрова рубят, там щепки летят”, — сказал один польский интеллигент в 1968 году.

Анджей Новак (1960) — научный работник Института истории и член польско-российской исторической комиссии Польской Академии Наук. Главный редактор журнала «Аркана», в котором много внимания уделяют истории России и польско-российских отношений. Главный редактор «Хроники Польши». Автор многих книг, посвященных концепциям польской политики в отношении России; особого внимания заслуживает том «Поляки, россияне и бесы. Исторические очерки XIX и XX вв.» (1998). Готовит к печати обширный труд, посвященный политической проблематике польско-советской войны 1920г.: «Польша и три России, 1918-1921».

Смелое воображение и дисциплина ума, четкое осознание обращенных в далекое будущее целей и, прежде всего, поразительное по своим результатам умение соединить российскую и глобальную перспективу — вот точное определение идеи Ленина. Поразительно точное. По крайней мере, когда речь идет о той его идее, которая — после провала коммунистической утопии — выходит сегодня на первое место в происходящей в России переоценке идейного наследия вождя революции. Эту идею можно уложить в один, снова ставший модным, лозунг: геополитика! Именно с ней связана идеальная эволюция современной российской компартии, именно ее будущий триумф предсказывают в своих публикациях Геннадий Зюганов, Александр Дугин и десятки их менее талантливых подражателей. При этом они рисуют картину будущего великой мировой державы, центром и колыбелью которой должен стать Кремль. Сторонников этой идеи не пугает ставшее теперь уже известным число жертв, понесенных при попытке воплотить эту идею в полном объеме: эти 80 или 100 миллионов человеческих “щепок”, выброшенных в XX веке на „свалку

истории". Быть может, стоит дать две небольшие исторические иллюстрации к этой идее и этой картине будущего. Для одних это будет любопытной деталью, для других — предостережением.

Иллюстрация первая: предсказание Ленина

Начнем с простейшего объяснения. Ленин не был великокорусским шовинистом. Россия после того, как ею завладели большевики, стала для него орудием борьбы за реализацию положений идеологии, которую он исповедовал: модифицированного им марксизма. Однако более всего Ленина и его партию характеризовала не приверженность марксистской доктрине, а то, что можно было бы проще всего назвать инстинктом власти, — стремление к максимальной концентрации максимальной власти на максимально большой территории. Свалившееся в руки большевиков наследство в виде огромного российского государства, масштаб геополитических перспектив и возможностей открывали стратегии Ленина чрезвычайно широкое поле действия. Аналогично этому универсальный масштаб избранной им идеологии позволял проводить политику, рассчитанную на окончательную победу в весьма долговременной перспективе. Самым главным было удержать власть. А поскольку базой ее была Россия, то геополитические интересы России стали интересами дела коммунизма.

На главном направлении этих интересов — на западе, в Европе, — лежала Германия. Без взаимодействия с ней сил России было, естественно, недостаточно, чтобы перекроить „весь мир (...) до основанья”. Но великая мечта Ленина должна была неизбежно столкнуться с попытками конкурента, воплотить свою собственную мечту о мировой империи — мечту, за осуществление которой в конце концов, взялся Адольф Гитлер. История воплощения этих двух чудовищных „картинок будущего” и их военной кульминации записана на самых мрачных страницах XX века.

Ленин эту конфронтацию предвидел. Закладывая фундамент советско-германского сотрудничества во время войны с Польшей в

1920 г., он сознавал, что глобальный конфликт временных союзников будет неизбежным. Эта проницательность и понимание раскрыты в необычной, до сих пор нигде не опубликованной, записи ленинского высказывания, которую в сентябре 1920 г. сделал швейцарский большевик Жюль Амбер-Дроз. Он находился в Москве на конгрессе III Интернационала (впоследствии был одним из его номинальных руководителей).

Вспомним, каков был исторический контекст, когда произносились эти слова. Большевики только что проиграли свою большую игру за экспорт революции в Европу. Проиграли ее под Варшавой в августе 1920-го. Этот провал имел огромное значение для дальнейшей тактики расширения красной империи. Попытки чуть ли не с ходу завоевать Европу сменились практикой систематической диверсии, нацеленной на то, чтобы с помощью управляемого из Москвы процесса разложения изнутри главных государств „капиталистического окружения” подготовить окончательную, лишь несколько отсроченную победу. Что касается военных действий, то большевистские власти в тот момент стремились уже только ликвидировать последний оплот контрреволюции на собственной территории. Этим оплотом были еще удерживавшие Крымский полуостров отряды генерала Петра Врангеля и созданное при нем правительство Юга России.

Что касается большой политики на европейской арене, то Ленин рассчитывал на одного союзника, заинтересованного — так же, как и большевистская Россия — в развале версальской системы, установленной после Первой Мировой войны державами-победительницами. Этим союзником, естественно, была побежденная Германия. Ленин прекрасно помнил, насколько он сам обязан поддержке германского генерального штаба, который с 1916 г. прокладывал большевикам путь к власти в России, а затем в течение 10 месяцев помогал им удержать эту власть (о размерах материальной и политической помощи, оказанной кайзеровским штабом большевикам, напомнил

Ричард Пайпс в недавно изданной, в том числе в русском и польском переводах, книге „Русская революция“). Когда в августе 1920 г. провалился план дойти до Берлина „через труп белой Польши“, Ленин немедленно понял, что теперь он может рассчитывать на постоянную помочь Германии в борьбе с возрожденным польским государством. Духовный отец Сталина еще в 1920 году предсказал будущий пакт Риббентропа—Молотова. Однако в своем воображении и амбициях он заходил дальше традиционного российско-германского раздела завоеванных польских земель. Он предвидел столкновение, которое началось 22 июня 1941 года и в конце концов, привело Красную Армию в Берлин.

Достоверность приведенной здесь записи (не включенной, естественно, ни в одно издание Собрания сочинений В.И.Ленина), подтверждается опубликованными в последнее время другими выступлениями вождя революции осенью 1920 г., весьма сходными с ней по смыслу. Наряду с этими выступлениями, — из которых, бесспорно, самым важным было закрытое выступление Ленина на IX конференции РКП(б) 22.IX. 1920 года, опубликованное главной дирекцией Российских государственных архивов („Исторический архив“, 1992, №1), — фундаментальное значение для понимания утилитарной роли Германии в великих стратегических планах Ленина имеет его, по-прежнему не опубликованная, переписка с агентом большевиков в Берлине Виктором Коппом (хранится в архиве бывшего Института марксизма-ленинизма в Москве).

Прежде чем предоставить слово Ленину, надо добавить еще кое-что. Цитируемая ниже запись сказанного им, раскрывающая самые тайные мысли и планы вождя большевиков, попала на стол к Юзефу Пилсудскому еще в конце сентября 1920 г., переданная через Второй (разведывательный) отдел Генерального штаба военным атташе польского посольства в Берне майором Зыгмунтом Олдаковским. Польская разведка, спустя менее двух лет после восстановления независимого польского государства, действовала как швейцарские

часы. Оригинал рапорта майора Олдаковского хранится в Институте Юзефа Пилсудского в Нью-Йорке (Документы Генеральной адъютанттуры Главного командования Войска Польского, папка 29, л.д. 5239).

В.И.Ленин — Ж.Эмбер-Дрозу
(1-ая половина сентября 1920)

Я так часто повторял Троцкому, который наконец-то меня понял, что независимая Польша не представляет для нас большой опасности. Польша — это не Россия, и, каково бы ни было ее правительство, оно не будет представлять опасности для нашей советской организации. Но мы решительно не можем разрешить, чтобы на юге России сформировалось буржуазное правительство, которое безусловно, станет полюсом притяжения для Украины и Центральной России, — это означало бы потерю столь ценных для нас источников продовольствия. Смертельную опасность для нас представляет Врангель, и его следует уничтожить любой ценой.

Польша — придет время, мы и так завладеем ею, впрочем, планы создания „Великой Польши“ льют воду на нашу мельницу, ибо до тех пор, пока Польша будет их лелеять, Германия будет на нашей стороне. Чем сильнее будет Польша, тем больше будет ненавидеть ее Германия, а мы сумеем воспользоваться этой ее неистребимой ненавистью. Против Польши мы всегда сможем объединить весь русский народ и даже заключить союз с Германией, в то время как существование независимой южной России будет вызывать опасность для Советской России, будет постоянным фактором раздора и вечной неуверенности.

Я не питаю особой симпатии к Германии, но мне легче использовать ее, чем кого бы то ни было иного, если задета ее гордость. Как победитель она была нам полезна, ибо разрушила мощь царского режима и заразила коррупцией высшие сферы, ведь вообще в том, что касается коррупции, немцы — большие мастера. Как побежденные они также нам полезны — полезно их пассивное сопротивление в выполнении мирных условий и их тайные планы, то состояние

возбуждения и беспокойства, которые нужны нам для осуществления нашего революционного дела.

Германия всегда будет нам помощником и союзником, ибо горькое чувство поражения вызывает в стране волнения и беспорядки, и немцы надеются, что благодаря этому им удастся разорвать железный обруч, которым их сковал Версальский мир. Они хотят реванши, а мы — революции. Временно наши интересы совпадают. Эти интересы разойдутся, и немцы станут нашими врагами в тот день, когда нам захочется проверить, что именно возникает на пепелище старой Европы — новая германская гегемония или коммунистический союз Европы”.

Иллюстрация вторая: „Валькирия” Эйзенштейна

Время, когда предсказание начало сбываться, наступило после 20-х годов. Шел 1940 год. В Москве как раз завершалось торжественное, как всегда, празднование 7 ноября — очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Десять дней, с 5 по 15 ноября, Сталин не принимал никаких официальных гостей. Но он не бездельничал. 9 ноября он пригласил на свою кунцевскую дачу В.М.Молотова, председателя Совнаркома и наркома иностранных дел, чтобы продиктовать ему необычный, может быть, самый важный во всей его политической карьере документ: инструкции к переговорам с канцлером Третьего Рейха Адольфом Гитлером. На следующий день Молотов отправлялся в первую в своей жизни заграничную поездку — в Берлин. Прошло 14 месяцев чрезвычайно плодотворного для обеих сторон союза, и посланец Сталина должен был в непосредственной беседе с фюрером оценить конкретные возможности дальнейшего сотрудничества.

Пакт Риббентропа—Молотова от 23 августа 1939 г. и дополняющий его содержание договор о дружбе и границе между СССР и Третьим Рейхом от 28 сентября того же года не только окончательно утвердили раздел Польши, но и позволили Сталину спокойно занять Литву,

Латвию и Эстонию, а также отрезать от Румынии Бессарабию и Северную Буковину. Гитлер был спокоен за „восточную стену”, поэтому смог сконцентрировать свои силы на расправе с Францией и Великобританией и добился господства почти над всей континентальной Центральной и Западной Европой.

Осенью 1940 г., после проигранной в воздухе „битвы за Англию”, у Гитлера оставался один недобитый враг — Великобритания (которая опиралась на свою огромную империю, а также пользовалась неофициальной, но вполне реальной помощью Соединенных Штатов). Окончательная расправа с Британской империей и новый передел мира (по крайней мере, его восточного полушария) не могли осуществиться без решения вопроса отношений с Советским Союзом. Stalin тоже знал, что пришла пора принимать решение, на чьей стороне активно выступить в этой войне, на чью сторону склонить чашу окончательной победы.

Как Гитлер, так и Stalin взвешивали возможность смертельной схватки друг против друга и готовились к ней по крайней мере, с середины 1940 года. Однако оба самым серьезным образом рассматривали в качестве политической альтернативы укрепление взаимного союза. Эту идею питало общее для них враждебное отношение к системе буржуазной демократии, которую олицетворяли Англия и США. Но прежде всего, за этой идеей стояла геостратегическая концепция так называемого континентального блока, предполагавшая соглашение между основными континентальными державами Евразии. Осью этого блока должен был стать союз Берлина, Рима, Москвы и Токио.

27 сентября 1940 г. Германия, Италия и Япония подписали в Берлине так называемый пакт трех держав, в котором определялись принципы нового раздела мира на сферы влияния. Двери в этот союз оставались для СССР открытыми — в день подписания пакта Молотов получил официальное сообщение о том, что Риббентроп готовит письмо с приглашением на переговоры в Берлин. 22

октября Сталин принял приглашение, пообещав, что Молотов приедет в столицу Третьего Рейха.

Риббентроп, горячий сторонник долгосрочного соглашения с Советским Союзом, сразу же информировал Токио о возможности расширить пакт и предложил следующий раздел восточного полушария: за Японией — Юго-Восточная Азия, за СССР — Индия и Иран, за Германией — Центральная Африка, за Италией — Северная Африка. Начальник разведывательного отдела Главного командования Вермахта (OKW) генерал Альфред Йодль уже с декабря 1939 г. разрабатывал план удара Красной Армии на индийско-афганском или закавказском (иранском) направлении. За десять дней до приезда Молотова в Берлин начальник Генштаба германских сухопутных войск генерал Франц фон Хальдер записал в своем дневнике, что Гитлер надеется на то, что Россия присоединится к антибританскому фронту.

Из найденного в архиве президента РФ и опубликованного впервые в конце 1995 г. документа — записанной Молотовым инструкции Сталина на берлинские переговоры („Директивы И.В.Сталина В.М.Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940” // „Новая и новейшая история”, 1995, №4) — мы можем узнать, каким был взгляд советской стороны на перспективу соглашения с Гитлером, которое изменяло судьбы всего мира. Цель визита Молотова состояла не только в том, чтобы выяснить позицию Германии и ее союзников (об этом шла речь в первом из 14 пунктов инструкции), но прежде всего в том, чтобы четко обрисовать масштаб конкретных имперских планов СССР. Главная директива Сталина была записана в пункте 16): “Подготовить первоначальную наметку **сферы интересов СССР** в Европе, а также в ближней и средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом с Г. (а также с И.), но не заключать какого-либо соглашения с Г. и И. на данной стадии переговоров, имея в виду продолжение этих переговоров в Москве, куда должен приехать Риббентроп в ближайшее время”.

В пункте втором был конкретизирован масштаб непосредственных аппетитов Сталина: „В переговорах добиваться, чтобы к **сфере интересов СССР** были отнесены...”, — список требований был длинным: от Ирана и Турции до Шпицбергена. Но ключевыми были прежде всего, требования, касающиеся фактического согласия Германии на советскую оккупацию Финляндии и раздел Турции (25 ноября 1940 г. в беседе с Георгием Димитровым Сталин поставил вопрос ясно: „Турок прогоним в Азию. Впрочем, что это за Турция? Там живет два миллиона грузин, полтора миллиона армян, миллион курдов и т.д. Турок только 6-7 миллионов”). Сталин требовал также гарантий для советского присутствия в Болгарии, контроля над Румынией и Венгрией, „учета советских интересов” в Иране; проявил интерес к Швеции, Югославии и Греции, а также требовал гарантировать права советской угольной концессии на Шпицбергене и свободный проход для советских судов через Эресунн (Зундский пролив).

Что касается Азии, то Сталин был готов отдать Японии Индонезию и подтвердить ее власть над Маньчжурией, добиваясь лишь почетных условий капитуляции для Китая Чан Кайши (Цзян Цзеши). Однако он хотел точно знать, как японцы представляют себе границы „восточно-азиатского пространства”, которое они оговорили для себя в берлинском „пакте трех держав”. Вопрос раздела Британской империи хозяин Кремля поставил в зависимость от успешного решения наиболее срочных вопросов — раздела Турции и передачи под советский контроль Болгарии. Он предлагал подписать общую декларацию четырех держав (Третьего Рейха, Японии, СССР и Италии) по этому вопросу и определить в ней „мирные” принципы частичного раздела империи: Великобритания должна немедленно отказаться от Египта, Гибралтара, всех подмандатных территорий и тоже немедленно вернуть бывшие немецкие колонии в Центральной Африке. Сталин колебался в вопросе „освобождения” Индии. Остальные колонии можно было бы временно оставить

англичанам — хотя бы ради того, чтобы они не достались США.

12 ноября 1940 г. поезд с Молотовым и его свитой прибыл на берлинский вокзал. Высокого гостя под звуки „Интернационала” (тогда гимна СССР) на перроне встречали Риббентроп, фельдмаршал Кейтель, рейхсфюрер СС Гиммлер. В тот же день начались переговоры — сначала с Риббентропом, а затем с Гитлером. На следующий день они были продолжены по тому же самому сценарию: Риббентроп и Гитлер разворачивали перед советским гостем геостратегические перспективы раздела мира в соответствии с „пактом четырех” (после того, как к оси Берлин—Рим—Токио присоединится Москва), экспансии СССР к Индийскому океану. А Молотов хладнокровно выполнял инструкции Сталина, выясняя прежде всего позиции Германии по вопросу передачи Турции, Болгарии и Финляндии под контроль Сталина. На такие уступки Гитлер не был готов идти. 13 ноября Молотов докладывал Сталину: „Хвастаться нечем. (...) Обе беседы (с Гитлером. — A.H.) не дали положительных результатов”.

Это были переговоры, во время которых — без преувеличения — наш мир был спасен. Вот еще одно доказательство роли Пророчества в истории. Если бы Молотов получил от Гитлера одобрение по главным пунктам инструкции своего хозяина, если бы переговоры — завершенные (согласно плану Сталина) Риббентропом в Москве — увенчались повторением пакта от 23 августа предыдущего года, только уже не в европейском, а глобальном масштабе, — тогда судьба Великобритании была бы предрешена, Евразия и Африка были бы поделены между Третьим Рейхом, СССР и Японией. США в лучшем случае остались бы изолированной державой западного полушария. Вторая Мировая война закончилась бы триумфом не Сталина и Рузвельта, а Сталина и Гитлера. После вытеснения „буржуазной демократии” с поля боя, в результате возможного, почти неизбежного конфликта между прежними союзниками, миру была бы предложена малопривлекательная альтернатива: коммунизм или нацизм.

Для нас, поляков, в этой альтернативе вообще не оставалось места. В 14 пунктах Сталина Польша не была забыта. В отдельном, 12-м пункте наследник Ленина желал получить подтверждение того, что Гитлер по-прежнему придерживается установленных в августе и сентябре 1939 г. принципов ее окончательного уничтожения. По этому, единственному, пункту у Молотова на переговорах в Берлине не возникало никаких трудностей. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в ответ на жест вежливости Сталина, которым стала впервые поставленная в СССР опера Вагнера (премьера „Валькирии” в постановке Сергея Эйзенштейна состоялась в Большом театре 21 ноября 1940), немцы выбрали оперу Михаила Глинки „Жизнь за царя”, целиком посвященную триумфу российского оружия над „польскими панами” в 1612 году.

„Славься, славься из рода в род, славься, великий наш русский народ. Врагов, посягнувших на край родной, рази беспощадно могучей рукой”, — эти слова из заключительного хора оперы Глинки прозвучали в конце 1940 г. в Берлине, как „мemento mori”.

Отвергая протянутую, — может быть, слишком жадно и слишком близко к жизненным интересам Третьего Рейха — руку Сталина, Гитлер предопределил свой крах. Но не он один. Оба величайших преступника нашего столетия и всей истории человечества упустили свой великий шанс поделить между собой весь мир. Для „Великого Октября” 1917-го этот шанс был потерян в ноябре 1940-го. Окончательно.

Хотя, может быть, и не для всех. Смелость воображения и дисциплина ума, четкое осознание обращенных в далекое будущее целей, а прежде всего, невероятное по своим результатам соединение российской и глобальной перспективы — все это вновь на повестке дня. Достаточно открыть „Основы геополитики” Дугина, „Географию победы” Зюганова, „Реванш истории” Панарина. Эта Москва, их Москва, слезам не верит. Щепки никто считать не будет...

Михал Ягелло

Традиции сосуществования

Михал Ягелло

ТРАДИЦИИ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

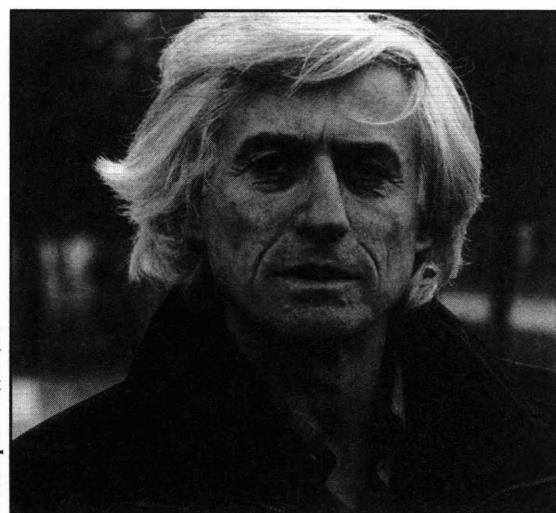

Фото-архив Редакции

1.

Начнем с самого очевидного. Польша не мононациональное, а *многонациональное* государство. Польшу населяет не только паства римско-католический Церкви, но и приверженцы других католических обрядов, других христианских верований, других религий, даже тех, что не простираются за пороги храмов. Начнем с напоминания этих очевидных, невооруженным глазом различимых истин, ибо разговоры о желанных связях большинства с национальными и религиозными меньшинствами, о восприятии другого, о польской самобытности и уважении к самобытности других и о том, что хорошо и что плохо в стереотипах «свой» и «чужой» никогда не прекратятся.

Такой разговор особенно необходим там, где государство почти однородно и где жители его в подавляющем большинстве принадлежат к одной Церкви. Такой разговор неизбежен всюду, где формируется демократическое, плuriалистическое, открытое и подлинно гражданское общество. А следовательно,

Михал Ягелло (1941) - писатель, очеркист, общественный деятель, альпинист. Был председателем TOPR (Добровольного общества горных спасателей в Татрах). Будучи заместителем начальника Отдела культуры ЦК ПОРП; в день введения военного положения (13.12.1981) отдал свой партбилет. После политического перелома 1989 - замминистра культуры. С 1998г. - директор Национальной библиотеки в Варшаве.

постоянное и проводимое на разных уровнях обсуждение проблем сосуществования и совместной жизни граждан различных национальностей, культур, обычаев, верований и религий — это наша, польская обязанность. Именно здесь и именно теперь.

Общественный протест, который послужил почвой для возникновения «Солидарности», сохранял много черт национально-освободительного движения, и не удивительно, что столь часто тогда использовались, вплоть до злоупотребления, польские символы и традиционные связи с римским католицизмом. Августовский порыв, а затем военное положение, упрочили стереотип поляка-католика, а благодаря «молебнам за отчизну» стали частью текущей, неофициальной политической жизни, не свободной от общественной демагогии и национальной истерии. Этот своеобразный альянс бело-красного флага с крестом, белым орлом в короне и с Матерью Божией — Царицей Польши одобряло, как можно судить, большинство поляков, не исключая элит, формирующих

общественное мнение. Тогда почти не слышно было голосов, предостерегавших от политизации религиозной сферы, от превращения амвонов в пропагандистские рупоры, от взвинчивания националистических настроений. В подобной атмосфере национальные меньшинства чувствовали себя не очень уютно. Впрочем, в категорию меньшинств необходимо включить не только подлинные, издавна проживающие в Польше национальные и религиозные меньшинства, но и всех, кто не желал плыть по течению до карикатуры раздутого патриотизма и не хотел (в силу внутреннего сопротивления) влиться в поток интегризма, крайне сукающего здравую дистанцию между «алтарем» и «троном». Неожиданно обнаружилось, что мы переписываем давний, именно 30-х годов, урок, когда столкнулись две модели католицизма: интегристский, который, стремясь духовно опекать общество, жаждет использовать «обширные средства» — государство как инструмент внедрения евангельских принципов, и интегрирующий, персоналистский, ратующий за «скромные меры». Оказалось, что первое из этих течений набирает силу с помощью своей прессы, радио и многих благосклонных к нему амвон, второе же, несравненно менее агрессивное и крикливое, вынуждено оправдываться в том, что отстаивает персонализм, либерализм, экуменизм.

В 90-е годы, с одной стороны, выявляются подобные различия, а с другой — возникла полная возможность принципиально продемонстрировать свое *отличие*, национальное, религиозное, политическое и даже воспитательное, в смысле философских и аксиологических основ мнения о себе, о Польше, о мире. И этой возможностью широко пользуются.

Мы не жалуемся на плуралестическую действительность, но это не значит, что мы предпочитаем отмалчиваться, когда принципы свободы слова и собраний используются

против нашего государства, против заповеди уважения к *иному*, против толерантности к людям другой национальности, религии, обычаям и культуры, против существования и совместной жизни в Республике Польша всех ее граждан..

Я делаю эти заметки на полях великолепной книги проф. Ежи Ключовского, мудро озаглавленной им «Молодая Европа»¹. Сразу оговорюсь, что она может стать отличным руководством для людей плуралестической и отчасти экуменической ориентации. Возможно, книга послужит пищей для размышлений и всем тем, кто думает иначе.

Польша и наша часть континента показаны на обширном европейском фоне, а термин «молодая Европа» столь же применим к Венгрии, сколько к Дании, Словении или Исландии... Благодаря четкости выводов книга окажется доступной для более широкой аудитории, выйдет за пределы узкого круга профессиональных исследователей средних веков.

«Молодую Европу», вероятно, будут подробно обсуждать специалисты, но она может оказаться книгой, близкой каждому, кто захочет осознать наши нынешние, польские призывы и обращения. Ведь именно сейчас мы вновь задаемся вопросом о долгожданной формуле нашего патриотизма, о мудром освоении нашего наследия, о нашей национальной самобытности, о современной модели независимого государства, о партнерских отношениях с ближайшими соседями. Да позволительно мне будет вылуштить из этой обильно насыщенной разнообразными сюжетами книги нечто для меня крайне личное.

Год 1948. Весна. Наша грязь в Мехове настолько подсохла, что можно ступить на обрабатываемую землю, не увязнув в ней. Второй день Пасхи. Отец и дед поднимаются до рассвета. Они сосредоточены, молчаливы и оба чем-то смахивают на ксендза. Помню, что меня поразила их никогда прежде не замечаемая мной серьезность. Одевались они не спеша,

чем и напоминали приходского священника, облачавшегося в литургические одежды в ризнице непосредственно перед выходом к алтарю. Пользуюсь нынешними понятиями, чтобы по возможности верно воспроизвести не столько то, что я действительно тогда чувствовал, сколько то, что осталось во мне от тогдашних ощущений, когда я наблюдал за мужчинами, готовящимися отправиться в поле. Эта запавшая мне в душу сцена, которая, очевидно, непроизвольно обросла подсознательными толкованиями, возникла передо мной именно при чтении «Молодой Европы».

Я был еще «дитём», как говорили в моей родной деревне, поэтому не мог и помыслить о том, чтобы присоединиться к отцу и деду. В поле отправлялись только мужчины, вернее сказать, хозяева — владельцы дворов или хотя бы нескольких десятин земли. Безземельный крестьянин, бедняк, не имел права туда вступить. Этот обряд оставался за семью печатями и для женщин. Точно так же холостяки без своих хозяйств не могли присоединиться к этой толпе.

Моя благодарность Ежи Ключовскому за то, что он не забыл о подобном наследии. Ведь мы так непростительно мало знаем о нашей языческой подпочве! «У нас постоянно возникают и будут возникать сложности со знанием этих религий, ведь мы изучаем их в самой общей форме, по текстам, написанным уже христианами, неизбежно деформирующими то, что они фиксировали, — сожалеет автор и далее пишет: — Языческая религия и мифология предлагала людям развитую, богатую картину мира, накладывая свой отпечаток на личную и общественную жизнь, на нравственные законы, на традиции поведения в самых различных ситуациях. Обязательный культ интегрировал сообщество. Он служил отличительным знаком их единства. В подобном контексте смена религии становилась событием, исполненным высокого смысла, глубоко затрагивающим всю жизнь данного

сообщества; свое согласие на это должна была выразить не только элита власти, но и более широкие общественные круги».

По-разному бывало. «Смесь давлений и уговоров представляется очень типичной для эпохи...», — читаем в интригующей главе «От язычества к христианству». Да, бывало по-разному. Монах Бернард из Испании явился в Вильно босым и без свиты — и не добился успеха. Учитывая это, Отто Бамбергский не пересаливал по части своей бедности. «Ему предстояло продемонстрировать великолепие и силу польского князя и его Бога».

Мы знаем, как завершилась среди пруссов миссия Войцеха (Адальберта) из чешских Славникович. Мученическая смерть Войцеха оказала Польше услугу. Его провозгласили святым, мучеником, он связал нас с папством, а следовательно, с Западной Европой особыми узами... Представляется, что он поступил по меньшей мере бес tactно и, вероятно, нарушил извечные правила, обязательные в языческой Пруссии. Он погиб, и его гибель обернулась на пользу тогдашней Польше, ныне же Войцех — один из небесных покровителей объединяющейся Европы. Самое главное, что он явился в прусские чащи с крестом, а не с мечом и горящим факелом.

Принятие христианства всегда имело не только религиозные, но и политические последствия. Случалось, что новая религия, едва пустив корни, уже подвергалась резким нападкам.

На польских землях, как мы знаем, тоже велась борьба с новой религией. «Религия, насаждаемая в Польше в течение нескольких десятилетий правления Мешко I, Болеслава Храброго и Мешко II казалась в значительной степени сведена на нет в результате общественных волнений и языческой реакции 30-40-х годов XI века. Позже, при Казимире Восстановителе и Болеславе II Смелом потребовалось провести основательную работу по возрождению утраченного, но собственная митрополия сохранилась».

Нам мало что известно о прусско-польском пограничье и связях наших предков с ятвягами. Значительно больше сведений о контактах с литовцами. Достаточно оживленными были сношения с православием. И немало таких мест в границах нынешней Польши, где сперва строили православные церкви и только позже, одновременно с волной польского заселения и польской властью, возводили костелы.

Между обоими вероисповеданиями не было той непреодолимой пропасти, которая исключала бы переход из одной общине в другую, и совершалось это без именования отщепенцем...

Тут мы переходим к феномену Великого княжества Литовского и польских связей с этим крупным государством. Ежи Ключевский говорит, что это был «единственный опыт такого масштаба во всей тогдашней Европе (...). Речь идет о конфронтации католицизма и православия, а также (что особенно примечательно, впрочем, не только для XIV века) язычества. Трудности — и не всегда лишь религиозного характера — этого своеобразного эксперимента, который в общей сложности длился несколько столетий на обширных пространствах, до сих пор не получили достаточно всестороннего и объективного анализа».

Человеком, у которого имелся опыт соприкосновения с язычеством и христианством, был литовский князь Ягайло, позже польский король Владислав II Ягелло. Ягайло был сыном Ольгерда и Юлианы Тверской — язычника и ревностной сторонницы православной веры. Литовец Ягайло испытал влияние не только религии матери, но и культуры, типичной для русских княжеств той поры. Литовская политическая верхушка твердо держалась за своих богов и за свою культуру, позволяя вместе с тем славянским подданным Великого княжества сохранять их веру, язык и обычай. А подавляющее большинство жителей Великого княжества Литовского составляли православные славяне.

Литовцы с очень давнего времени соприкасались с миром восточного христианства и, пожалуй, не видели в этом для себя никакой смертельной беды.

Досадно, что мы не в состоянии достоверно восстановить эту любопытную ситуацию, это проникновение культуры восточных славян и православной веры в сам стиль жизни язычников-литовцев. Разве самые выдающиеся из них не отдавали себе отчета в «слабости» своих богов? Несомненно, они жаждали полностью сохранить свою самобытность. И, разумеется, им было известно, что происходило с их сородичами, поглощаемыми надвигавшимся с Запада христианством. По опыту они знали, что народы могут быть просто рассеяны, затравлены и уничтожены. Ведь литовские стрелы и острия их топоров лишили жизни многих пруссов и ятвягов... Им знакома была мощь крестоносцев, и у них не оставалось иллюзий, что знак креста — это всегда провозвестник мира, добрососедских отношений. «Длительное и упорное сохранение язычества властителями Литвы и ее правящей верхушкой, умение прекрасно ориентироваться в европейской ситуации, способность использовать противоречия, разделяющие христианские страны, — все это имело прежде всего политическую подоплеку», — пишет автор «Молодой Европы».

Великое княжество Литовское — любопытный пример того, как управляли многонациональным государством литовцы, которые (если анализировать проблему с чисто количественной стороны) составляли национальное, языковое и религиозное меньшинство. Речь шла о том, чтобы предоставить восточнославянскому населению возможно больше религиозной свободы и при этом не утратить литовскую самобытность...

Литовцы вели свою игру между Западом и Востоком. Миндовг не только воевал с крестоносцами, но и при их посредничестве принял крещение по католическому обряду, а в 1252 г. с согласия папы римского дело

завершилось его коронацией. Однако вскоре из-за внутренних распри король погиб от рук врагов. Очередную попытку связать Литву с христианством совершил Войшелк (его считали сыном Миндовга от первого брака), который в Новогродке принял крещение в православной церкви и даже сделался монахом. Но и он был убит. Государственные силы, четко обозначились». Гедимин и Ольгерд уже предусмотрительно поглядывали то в сторону католицизма, то православия. Альдона (Анна), дочь Гедимины, стала женой Казимира, сына Локетека. Двух ее сестер выдали замуж за мазовецких князей. В княжеской семье, по-прежнему придерживавшейся язычества, но как-то сжившейся с христианством, хватало, разумеется, и православных браков. Гедимин в 1323–1324 гг. всерьез готовился к крещению. В целом ряде писем Гедимины той поры, адресованных, между прочим, францисканцам и доминиканцам, а также в западные города, изложена своего рода программа, в которой наряду с христианизацией, речь идет о привлечении людей разных профессий в Литву с целью развития страны. (...) Установились непосредственные контакты с папством, в Вильно были направлены папские легаты», — читаем мы в чрезвычайно поучительной главе «Религиозный плюрализм». Ежи Ключовский сообщает, что Гедимин просил францисканцев прислать миссионеров, знающих жмудский, русский и польский язык! «Трудно определить, — признает автор, — откуда это своеобразное уравнение польского языка в таком сочетании».

По каким-то причинам тогда крещение Литвы не состоялось. Папские легаты возвратились из Вильна ни с чем. Однако они оставили для потомства не только рассказ о том, «что князь разгневался на крестоносцев, но и зафиксировали знаменательную декларацию, которую лично им изложил великий князь: «...Пусть христиане чтут своего Бога по-своему, русы и поляки также... мы же чтим Господа согласно нашим обычаям, у всех у нас один Бог...»

Вообще говоря, Великое княжество Литовское было толерантным государством, и проблемы веры не становились источником крупных конфликтов. Мерой добросовестности автора служит тщательное выявление мотивов мирного сосуществования язычников и христиан. Это отчетливо видно в таком вот подходе к происходящим резким реакциям князей против христианских священников: «Представляется, что смертные приговоры двум францисканским монахам, вынесенные Гедимином (а позже и еще нескольким — по приказу Ольгерда), связаны с каким-то публичным нарушением ими норм сосуществования и охраны официальной религии; это не привело, однако, к изгнанию самого ордена из Литвы. По сходному поводу при Ольгерде смертной казни подвергли и нескольких представителей православной церкви».

Вот прекрасный пример *осознанного* изложения истории Великого княжества Литовского.

Проблема крещения Литвы привлекает внимание авиньевского папства, короля Карла IV, а также нашего Казимира Великого и Людовика Венгерского. Два последних вели переговоры на эту тему с Кейстутом, который правил языческим государством совместно с Ольгердом. Это важный период в истории Литвы. Именно тогда «Ольгерд публично провозглашает программу завоевания всей России», — напоминает Ежи Ключовский. Понятно, что «православная карта ему здесь необходима». Поэтому он не торопится принимать предложения, поступающие с Запада, со стороны католиков. «Когда, однако, реализовать план захвата Москвы не удалось (1372) и когда Патриархат в Константинополе не дал согласия на отдельную митрополию (1371), Ольгерд снова обратился к латинской стороне, в 1373 г. стало известно об инициативах мазовецкого князя Земовита III о крещении по католическому обряду».

Сам Ольгерд, как утверждают некоторые историки, принял православие перед самой смертью в 1374 г., но у его сына и наследника Ягайлы на выбор были три варианта: язычество, православие, католицизм. Время поджимало. «Давление крестоносцев на Литву снова усилилось, напряженные конфликты в лоне самой правящей династии при умелом их обыгрывании соседями грозили катастрофой. Снова, с необычной на этот раз остротой, всталась проблема выбора между Римом и Константинополем».

Многое говорило за то, что предпочтение будет отдано православию. Юлиания Тверская исповедовала христианство восточного образца, и этот факт не мог не влиять на ее сына. Новый митрополит Киева, Руси и Литвы, болгарский монах Киприан, надо думать, тоже делал свое. «Вероятно, это и привело в 1384 г. к договоренности, предусматривающей брак Ягайлы с одной из дочерей великого князя Московского Дмитрия в сочетании с крещением самого Ягайлы и литовцев в православной церкви». Неизвестно, почему Литва не приняла православия. Факт, однако, что в январе 1385 г. в Krakow прибыла литовская депутация... Годом позже, 15 февраля 1386 г., Ягайло принял имя Владислав. Три дня после крещения состоялось бракосочетание Владислава с Ядвигой.

Мы не знаем и никогда не узнаем, что думал этот незаурядный литовец о язычестве, православии и, наконец, о католицизме. Ягайло, говорят, был суеверен, но, возможно, только зоркие и недоверчивые глаза кого-то из его королевского окружения искали в нем следы старой веры. Сам же он не давал повода усомниться в своем католическом усердии, что требовало не только веры, но и, можно полагать, известной доли самоотречения. Ягайло, свыкшийся с православием, пожалуй, никогда не согласился с тем, что латиняне трактовали православных как еретиков.

О многом говорит тот факт, что, кроме Ягайлы — Владислава Ягелло, — «только один из его братьев, Вигант, был крещен, остальные же родственники из династии Гедиминов,

крестившиеся по православному обряду, отказались от повторного крещения, считая, что одного обряда вполне достаточно». С каждым годом, однако, крепло убеждение, что другая сторона, хоть и христианская, — просто-напросто еретики; латиняне не признавали православного крещения, а православные — латинского. Ягайло и Витовт оказались в деликатной, сложной ситуации, им приходилось четко разграничивать свои политические и религиозные аргументы. С одной стороны, они понимали необходимость своими поступками подтверждать собственную католическую правоверность, а с другой — не хотели допустить резких религиозных раздоров в Великом княжестве Литовском. «Многое проясняет распоряжение Витовта, уже в качестве великого князя, а следовательно, после 1392 г., обязывающее всех государственных чиновников помогать виленскому епископу в его обряде крещения. Наказ о крещении относится только к литовцам. Русы вольны в принятии решений». Документ был написан по-русски, через какое-то время составили польский его вариант, который только и сохранился. Соответствующий фрагмент звучит так: «А который рус будет и пожелает по своей воле креститься, тот пусть крестится, кто же не выразит согласия, пусть пребудет в своей вере...»

Ежи Ключовский с пietетом и явной симпатией приводит это свидетельство как пример мудрости Витовта. Вообще можно слазать, что позиция автора экуменическая и она составляет одно из достоинств этой важной и нужной книги.

Здесь следует сказать и о статье Е.Ключовского «Ягайло и Витовт по отношению к православным: попытка их оценки в 1417 году», в которой проанализированы действия обоих властителей в пользу унион восточного христианства с западным.

В августе 1417 г. Ягайло и Витовт составили письмо — документ, направленный отцам собора в Констанце. «Документ решительно

отстаивает действенность крещения, совершаемого в православной церкви, в нем же изложены возражения против практики повторного крещения православных, пожелавших перейти в католическую веру. Ягелло и Витовт просят отцов собора и будущего Папу римского, чтобы в подобной ситуации вторичное крещение заменялось каким-либо другим обрядом, символизирующим принятие в сообщество верующих».

Ежи Ключовский заявляет (мы возвращаемся к «Молодой Европе»), что это был смелый и дальновидный шаг. Многое также свидетельствует, что подобный маневр был хорошо продуман.

Письмо, читаем мы в «Молодой Европе», стало «лишь вступлением к крупномасштабным действиям, за которыми несомненно стояли Ягайло и Витовт».

Король считал крещение по православному обряду достаточным актом и тогда, когда прихожанин хотел перейти из восточной веры в западную. Иного мнения, однако, придерживалось подавляющее большинство католического духовенства.

Автор «Молодой Европы» не забыл упомянуть о личной культуре как короля, так и великого князя, об их тесной связи с культурой православия, что отразилось на пристрастии к византийскому искусству.

Тут, замечает автор книги, нас одолевают интригующие вопросы об истинных мотивах, какими руководствовался Ягайло, стремясь внедрить живопись, типичную для восточного христианства, в костелах на территории королевства. В какой мере это дань привязанности к византийско-русскому искусству, которую привила ему мать, а насколько — сознательное стремление пропагандировать унио обеих Церквей, неизвестно. Конечно, есть нечто трогательное в таком желании Ягайлы сохранить подобные росписи, с одной стороны, в спальне, а с другой — в часовне вавельского замка в Krakowе и в храме замка в Люблине.

Долгие десятилетия этот правитель был язычником, однако при всем том он тонко чувствовал восточнохристианское искусство. Как государственный муж он оставался ревностным католиком, где-то в глубине души сохранив уважение к православию, а может, посредством этих русских настенных росписей он как бы извинялся перед королевой Софией, его последней женой, за повторное крещение, к которому ее принудили в Новогродке за день до бракосочетания.

Византийско-русская живопись в Польше не привилась. Но она — свидетельство сосуществования на наших землях двух традиций: христианского Запада и христианского Востока. Такое взаимопроникновение двух культур: западно-латинской и восточно-византийской — это наш вклад в духовное богатство Европы, как той, давней, так и нынешней.

Европы сосуществования народов, вероисповеданий, культур, обычаяев.

¹ Ежи Ключовский. *Молодая Европа. Центрально-Восточная Европа в кругу цивилизации христианского Средневековья*. Варшава, 1998. (На польск. яз.) Цитаты, не оговоренные в статье специально, взяты из этой книги.

² Ежи Ключовский. *Ягелло и Витовт по отношению к православным: попытка повысить их статус в 1417 году. Исследования по истории политики, экономики и культуры XII-XVII веков*. Торунь, 1992. (На польск. яз.)

Густав Херлинг-Грудзинский

Мертвый Христос

Густав Херлинг-Грудзинский

МЕРТВЫЙ ХРИСТОС

Густав Херлинг-Грудзинский (1919), прозаик и эссеист, живет в Неаполе. Большое признание снискала ему книга „Другой мир“ - о годах, проведенных в ГУЛАГе. Один из основателей парижского журнала „Культура“, на страницах которой печатались до недавнего времени его статьи о русской и советской литературе, изданные, в частности, в сборнике „Призраки революции“.

В „Ночном дневнике“, куда вошли многочисленные рассказы, писатель комментирует перемены, происходящие в политической и культурной жизни Польши и других стран. Замечательны его очерки о итальянской живописи.

Маргиналии, стружки с верстака. Их надо записывать на едином дыхании — без заставок, звездочек и отступов, — ведь смысл их в модуляциях голоса. В модуляциях не нарушенного ничем и никем монолога.

«Барнеби Конрад, — пишет из Канады один мой внимательный читатель, — собрал в своей книге „Famous Last Words“¹ последние слова, произнесенные или записанные незадолго до смерти разными выдающимися людьми. Джордано Бруно (на костре): „Душа моя вместе с дымом вознесется в рай“. Вы в своей „Глубокой тени“ написали о сожжении Джордано Бруно: „...оттуда не донеслось ни слова жалобы, и долго виднелось его неподвижное, закопченное лицо“, — а в конце у вас с неба камнем падает голубь, который символизирует душу ноланца², то есть эта душа как бы возвращается из рая».

Вот вам подтверждение писательской интуиции; ниже я приведу и другие тому примеры, сейчас же хочу обратиться к самому костру. В свое время из Ватикана донеслись слухи о скорой «посмертной реабилитации» Джордано Бруно («посмертная реабилитация» — советское изобретение послесталинского периода), затем, видимо, что-то изменилось, поскольку некий *sodalis*³ известного католического публициста Витторио Мессори, соавтора папской книги «*Versare la soglia della speranza*»⁴, выдвинул тезис «справедливого костра» (для Джордано Бруно). Кажется, отец Бехенский — намеками и более осторожно — нечто подобное излагал Яну Парису в книге философско-религиозных бесед. Так что наша эпоха

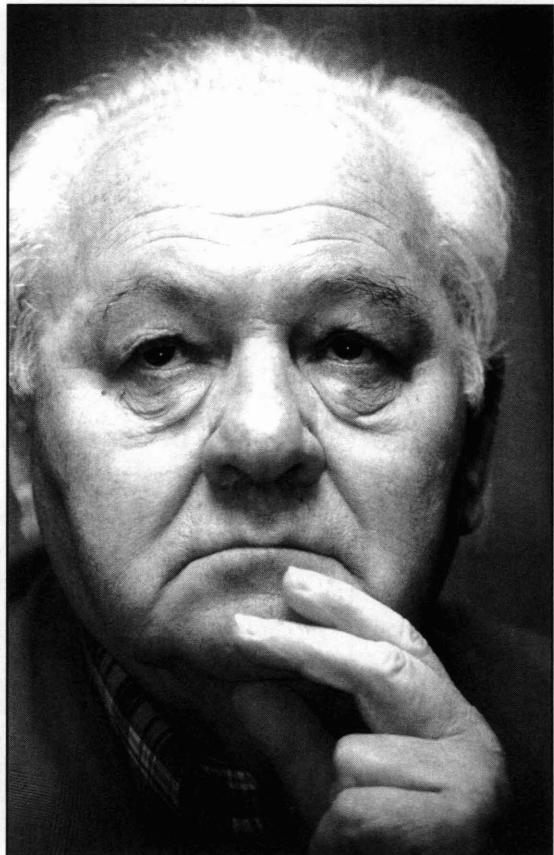

Фото PAP-CAF, Cezary Pecold

отнюдь не полностью освобождена от огня, поглощающего «все еретические отступничества от истинной веры». Пусть и дальше стоит на Кампо деи Фьори полюбившийся голубям памятник Джордано Бруно, навсегда скрывшему лицо под опущенным капюшоном.

И в моем эссе «Караваджо: свет и тень», и в моем рассказе «Глубокая тень» великий художник глядит из таверны на костер ноланца. Откуда я это взял? — спрашивали меня. Опять-таки интуиция. И опять-таки подтвержденная реальностью. Художник, ниспровергатель принятых норм, скандалист и бунтарь — как явствует из недавно вышедшей книги «*Caravaggio assassino*»⁵, — изображает в глубине «Мученичества св. Матфея» костер. Поначалу, рассматривая картину, я не придавал костру большого значения. Сегодняшние исследователи убеждены, что свой след на заднем плане картины оставил именно Джордано Бруно, словно собрат св. Матфея. Тайный противник контреформации таким образом провозгласил еретика святым мучеником.

Позволю себе процитировать главку «*Morte della Vergine*»⁶ из моего эссе «Караваджо: свет и тень».

Картина потрясающая: для меня — один из главных шедевров Караваджо. Неудивительно, однако, что заказчики ее с возмущением, если не с негодованием, отвергли. Беда тому алтарю, с которого Пресвятая Дева Караваджо предстала бы взорам прихожан!

Уже немолодая женщина, бесконечно утомленная жизнью, опухшая, с торчащим, как у беременной, животом, с отяженевшими, толстыми ногами крестьянки, всю жизнь проработавшей в поле. Ее лицо выражает не покой и величие смерти, а скорее облегчение: до чего же она устала; о том же говорит ее левая рука, свисающая с неопрятной постели. Тонкий, лишь слегка очерченный нимб над головой кажется здесь чем-то чуждым и одновременно естественным. Вокруг смертного одра рыдания — собравшиеся оплакивают усмиренную наконец боль бытия; некоторые закрывают руками лица. Да пребудет в вечном покое освобожденная Богоматерь.

Ее отекшее тело заставляет вспомнить современную художнику историю «святой блудницы». Молоденькая проститутка Катерина Ваннини, постучалась, раскаявшись, в ворота монастыря в Сиене. Став монахиней, она превратилась к концу жизни почти в святую — в этом был убежден Федерико Борромео, начавший после ее смерти процесс беатификации. Умерла она в возрасте сорока четырех лет от водянки. В свою «*Morte della Vergine*» Караваджо тайком пронес водянку сиенской Катерины.

«*Morte della Vergine*» следует рассматривать вместе с другим полотном Караваджо — «*Кающейся Марией Магдалиной*». Спящая на стуле Магдалина, с приоткрытым ртом и полусомкнутыми веками, с устало сплетенными руками, чем-то близка умершей Пресвятой Деве. Их объединяет боль бытия, острие которой всей кожей ощущал Караваджо подобно тернию смерти.

Еще один пример интуиции, на этот раз не только моей. И на этот раз — по меньшей мере отчасти ошибочной. Караваджо и в самом деле сознательно стремился соединить несоединимое — Пресвятую Пречистую Деву и проститутку, — чтобы тем самым отчетливее прозвучала не отпуская его тема «боли бытия». Но никакого отношения к этому не имела его современница, «святая блудница» из Сиены. Новейшие исследования авторов архивного компендиума «*Caravaggio assassino*» выводят на сцену двух римских

проституток (родом также из Сиены), которых художник отыскал в одной из таверн и привел в мастерскую в качестве (прежде всего) моделей: звали их Аннунция и Филлиде. Аннунция позировала ему для «Кающейся Марии Магдалины»; и Аннунцию же, умершую в родах, он написал в «Morte della Vergine».

Размышляя об этом, трудно устоять перед искущением более тесно связать между собой двух врагов контрреформации — художника-еретика и философа-еретика. Караваджо был не только до глубины души проникнут «болью бытия», выразить которую стремился в своих работах. Ему, очевидно, оказался близок Джордано Бруно, провозглашавший, что «Бог — существо непознаваемое, к которому человек может приблизиться только так, как тень приближается к свету», и что «Бог, т.е. свет, не может быть полностью постигнут: человек способен к нему приблизиться лишь в виде тени». Упор на тень, сделанный философом («я — глубокая тень»), эхом отзывался в художнике («я — мастер света и тени»).

Я гляжу на женщину из «Morte della Vergine» — с отяжелевшими, толстыми ногами и простонародными чертами лица, с торчащим, как у беременной, животом (оказывается, после родов). И думаю о «Мадонне дель Парто»⁷ Пьери делла Франчески из кладбищенской часовни в тосканской деревушке Монтерки, вблизи родного художнику Борго Сан-Сеполькро. Уперев левую руку в бок, правой Мадонна касается разреза платья, открывающего большой живот. Мать художника родилась в Монтерки, поэтому долго думали, что ее он и написал вскоре после того, как она скончалась, но не сходятся даты. В прошлом это не имело значения — достаточно было помнить, что в старости именно сюда приходил порой слепой Пьери, ведомый за руку мальчиком, и что кладбищенская часовня и Мадонна под балдахином, откинутые края которого поддерживают два ангела, — часовня, повторяю, и беременная Мадонна, стареющие и темнеющие с течением времени подобно придорожному распятию, исхлестанному ветром и дождем, палимому тосканским солнцем, — стали частью природы и мира, как Рождество под скошенной крышей⁸ того же Пьери. Мира мифологизированного и внезапно осиротевшего, потому что «Мадонну дель Парто» отреставрировали — точнее, почистили — и перенесли из часовни в маленький музей Монтерки (почему я и воспользовался выше словами «в прошлом»). Я, в сущности, не против реставрации (восстановленный «Страшный суд» Микеланджело в Сикстинской капелле сдал экзамен на «отлично»), однако считаю, что не все можно реставрировать и перемещать. Голос темной «Мадонны дель Парто», рассказывавшей в кладбищенской часовне свою часть великого, таинственного «цикла»: Зачатие-Рождество-Учительство-Распятие-Воскресение, — звучал иначе, глубже.

Мука Распятия. Сицилийский художник Антонелло да Мессина показал в трех лицах три варианта плачущего Христа; у Мессины главное в картине — выражение тупой боли, маска физического страдания, рыдание, вызванное жестокостью пытки. Мазаччо в «Распятии» заставил голову Христа расти прямо из туловища, словно перед тем, как прибить к кресту, Ему сломали позвоночник. Не так давно в Милане, в открытых после долгого перерыва «наполеоновских залах» Галереи Брера, я увидел, наконец, в оригинале «Мертвого Христа» — «Cristo Morto»; Андреа Мантеня, автор лучезарной росписи Свадебной залы в Мантуе, написал его в 1480 году. Это единственная картина, с которой он никогда не расставался и которую считал (справедливо) своим личным сокровищем. Картина волнующая, не имеющая себе равных, реалистическая и человечная до крайности (и в этом близкая «Morte della

Vergine» Караваджо; известно, например, что означает у Мантенеи выпуклость на полотняном покрывале, заслоняющем мертвое тело до пояса: эрекция — последний признак жизни у повешенных или распятых). «Cristo Morto» назывался когда-то «Cristo scurto», что английские историки передают словами «strongly foreshortened figure»⁹. Законы перспективы нарушены при передаче пропорций этой фигуры — словно бы увиденной художником, стоящим на коленях у ног снятого с креста (и оплакиваемого Матерью и Иоанном Евангелистом) Христа: мы видим «резкое сокращение», судорогу, укорочение тела. С моей точки зрения, Мантенея стремился таким образом — и успешно! — изобразить Распятого как сгусток страдания, омертвевший комок едва угасшей боли.

Караваджо и Мантенея (а до определенной степени и Мазаччо, и Антонелло да Мессина) отразили самую суть христианства — религии страдания, тесно связывающей страдающих с Распятым. Не слишком разумным поэтому представляется вопрос «Unde malum?»¹⁰, над которым в сентябре в Krakове ломали головы и мудрствовали поэт, философ и богослов. Зло существует в нашем мире, в нас и рядом с нами, в «боли бытия» и в страдании. Можно и нужно с ним бороться — это ощущают христиане, не сводящие глаз с образа Христа, верующие в Его «цикль». И к чему напоминать им, что птица глотает червяка, лиса бросается на птицу, человек расставляет железные капканы на лис, хотя сам хорошо знает, что ему тоже кем-то или чем-то уготована западня.

Официальная Церковь прекрасно это понимает. И старается веру соединить с утешением, надеждой и отвагой. Иоанн Павел II написал свой текст для книги «Varcare la soglia della speranza» по-польски, за исключением итальянского призыва «Non abbiate paura» — «Не бойтесь», — с которым он взошел когда-то на престол. Ирена Пиветти, страстная католичка с вандейским крестом на груди, которую итальянцы часто называют «нашей Орлеанской Девой» или «нашей святой», тридцатирехлетний председатель Палаты Депутатов (хотя, по правде говоря, она и не дева, поскольку была некоторое время замужем, и не примерная католичка, поскольку рассталась с мужем из-за отказа родить ребенка), слепо почитающая «Папу Римского Войтылу», предложила дополнить папский призыв так: «Не бойтесь Бога». Наш «лучший из миров», однако, быстрыми шагами движется в направлении, которое скорее уж должно заставить Святого Отца во весь голос крикнуть: «Побойтесь Бога, побойтесь Бога!» Хотя кричать, наверное, уже поздно, потому что на рубеже третьего тысячелетия, похоже, господствует Мантенея со своим Мертвым Христом.

Перевод Ирина Адельгейм

¹ «Знаменитые последние слова» (англ.).

² Нола — городок близ Неаполя, где родился Джордано Бруно.

³ коллега (лат.).

⁴ «Переступить порог надежды» (итал.).

⁵ «Караваджо убийца» (итал.).

⁶ «Успение Пресвятой Девы» (итал.).

⁷ «Madonna del Parto» — «Мадонна перед разрешением от бремени» (итал.).

⁸ Речь идет о картине Пьетро делла Франчески «Рождество».

⁹ «страшно исказенная фигура» (англ.).

¹⁰ «Откуда зло?» (лат.).

Антоний Кучинский

Он оставил свой след на картах Сибири...

Антоний Кучинский

ОН ОСТАВИЛ СВОЙ СЛЕД НА КАРТАХ СИБИРИ...

Одной из самых интересных личностей в истории проводившихся поляками исследований на территории Сибири был Ян Черский, жизнь и труды которого, мало известные даже современникам, ныне почти полностью забыты. Нелегко в короткой статье дать представление о его научной деятельности, затронувшей столько различных областей и развивавшейся в самых различных направлениях. Кем же был этот отважный поляк, имя которого можно найти в любом географическом атласе Азии и в каждой книге, посвященной геологии и географии Сибири?

Ян Черский родился в 1845 г. в польской семье, которой принадлежали обширные земельные владения, в том числе имение Сволына в Витебской губернии, где он и появился на свет. Ещё совсем мальчиком он потерял отца, но земли продолжали приносить доход, и подлинную нужду ему довелось испытать лишь впоследствии, в сибирской ссылке. На юношу оказала сильное влияние общая атмосфера в семье, а привитое матерью чувство уважения к человеческому достоинству сопровождало его на протяжении всей трудной жизни изгнанника.

В молодости Черский рос и формировался в семье, которой были близки идеалы борьбы за свободу и национальную независимость. Неудивительно поэтому, что, узнав о том, что в январе 1863 г. в Польше вспыхнуло восстание против русского гнёта, семнадцатилетний учащийся Виленского реального училища Ян Черский вместе с товарищами по учебе уходит в повстанческие отряды. Скитания и тяжелые условия жизни подрывают силы молодого организма. Спустя некоторое время его отряд попадает в плен к русским войскам. От смертной казни Черского спасает лишь его несовершеннолетие.

Его ссылают в солдаты в штрафные батальоны в Благовещенск на Амуре, с запрещением представлять к следующим званиям. В мундире рядового он прошел долгий путь до Омска, где ему удалось подкупить русских охранников и остаться в крепостном гарнизоне этого города. И здесь, с самых первых дней ссылки, юный солдат делает свои первые шаги по трудному пути самообразования в области естественных наук. Он занимался сравнительной анатомией и за короткое время в совершенстве овладел трудной профессией препаратора. Он интересовался также аномалиями морфологии мышечных и нервных тканей.

После увольнения из армии он был переведен на положение политического ссыльного, в результате чего лишился возможности печатать свои труды по анатомии: все рукописи статей отсылались ему обратно с резолюцией «к рассмотрению не принималось». Не удалось осуществить ему и намерение поступить в Казанский Университет.

Тем не менее, Ян Черский не пал духом перед лицом всех этих неудач и в 1871 г. отправился в Иркутск, где проживал до 1885 г., активно включившись в естественнонаучные исследования, которые велись польскими ссыльными в районе Байкала. Духовным опекуном этих молодых фанатов науки был в то время Бенедикт Дыбовский, также ссыльный из Польши. Именно он дал Яну Черскому рекомендацию, благодаря которой тот, по прибытии в Иркутск, был принят на должность хранителя краеведческих коллекций Сибирского отделения Музея Императорского русского географического общества. В то время в Иркутске находился Александр Чекановский, также попавший в Сибирь за участие в Польском восстании 1863-1864 гг. Свои глубокие природоведческие знания, а также энтузиазм исследователя он в полной мере использовал на благо сибирского края. Чекановский был известен как выдающийся знаток геологических характеристик этой части Российской Империи, и пользовался уважением даже со стороны иркутских властей.

Именно благодаря ему, Черский начал проводить географические и геологические исследования в районе озера Байкал. В Иркутске проживало в то время много поляков, в большинстве своем ссыльных, среди которых были весьма сильны антирусские настроения. Неудивительно поэтому, что женитьба Черского на русской девушке доставила ему множество неприятностей со стороны некоторых из его соотечественников. Следует добавить, что как раз жена стала ему верной и чрезвычайно способной помощницей в научных исследованиях.

Научные интересы Черского сблизили его с А.Чекановским, он познакомился с Б.Дыбовским и другими ссыльными, занимающимися изучением края, который стал для них второй родиной. Совместно с Миколаем Витковским он вел археологические раскопки в предместьях Иркутска, а известный русский археолог А.С.Уваров первым по достоинству оценил научную важность археологических изысканий Черского, подчеркнув, что последние имеют существенное значение «для предыстории культуры сибирских земель». Изучая побережье Байкала в 1879-1880 гг., Черский открыл весьма примечательные пещеры, бывшие прежде святынями Бурятов - народа, который заселял эти территории в течение многих столетий. Он записал также множество легенд, связанных с этими пещерами, и уделил большое внимание описаниям бурятских традиций и обычаяев. Как его археологические, так и этнографические наблюдения с годами приобрели особое научное значение, и они подробно обсуждались современными российскими исследователями.

Но основные заслуги Яна Черского связаны с его ролью организатора и участника геологических экспедиций, финансировавшихся Сибирским отделением Императорского Русского Географического общества. Работая хранителем коллекций Музея Географического общества, Черский имел доступ к научной литературе в области геологии Сибири, и именно здесь он, наконец, решился полностью посвятить себя этому направлению. В 1872 г. появляются его первые публикации, в частности, из области палеонтологии. В последующие годы он выступает с докладами на научных заседаниях упомянутого Общества и публикует дальнейшие статьи и более крупные труды. Научное наследие Черского, которое он успел опубликовать, составляет около 100 библиографических позиций. Остальное сохранилось в рукописях и до сегодняшнего дня представляет собой ценное дополнение к ряду публикаций, посвященных геологии и палеонтологии Сибири.

На протяжении длительного периода своей научной работы Ян Черский был связан с Иркутском. В знак признания его заслуг Русское Географическое общество присудило ему в

1876 г. серебряную, а в 1878 г. - золотую медаль. Безгранично преданный научной работе, Черский постоянно находится в полевых условиях, но начинает подводить ранее подорванное здоровье. Находясь в Иркутске, он был вынужден на какое-то время прервать экспедиции, а лечащие его врачи настоятельно рекомендовали переезд в Европу. Вскоре Черскому удается получить от полицейских властей согласие на выезд из Иркутска, и он вместе с семьей отправляется в Петербург. Передвигаясь вдоль сибирского тракта, он классифицировал образцы почв и горных пород, которые со склонов окружавших дорогу гор и холмов доставляла ему жена. Эти данные он наносил на карту и использовал в своих позднейших трудах.

Находясь в Петербурге, Черский работал в должности палеонтолога в Академии Наук. Он описал и классифицировал огромное количество костей ископаемых животных. «Даже если бы он ничего больше в жизни не сделал, - было написано о нем впоследствии, - этот труд вполне мог стать венцом его научной биографии». Однако, живя в Петербурге, Черский постоянно думает о возвращении в Сибирь. Немного подлечившись, он предпринимает попытки организовать геолого-географическую экспедицию на север Восточной Сибири. Черский уже обладал значительным опытом полевой работы в Саянах и к тому времени завоевал всеобщее признание в научном мире. В частности, он собрал ценные образцы горных пород и исследовал ископаемые останки животных, которые открыл в пещерах этой горной страны. Неудивительно поэтому, что Академия наук уступила его настойчивым просьбам и поручила ему возглавить экспедицию на северо-восток Сибири, которая отправилась из Петербурга в начале 1891 года.

В составе экспедиции было всего четыре человека: сам Черский, его жена Марфа, их двенадцатилетний сын Александр и препаратор Г.Дуглас. Добравшись до Иркутска, где они приобрели все нужное снаряжение и запаслись необходимыми рекомендательными письмами, участники экспедиции по течению реки Лены спустились к Якутску. Затем, уже на конях, вдоль Верхоянского хребта путешественники добрались до Оймякона в верхнем течении р.Индигирки. После краткого отдыха караван высокогорной трассой переправился через высокий хребет, который сегодня носит имя Черского, и 28 августа 1891 г. достиг г.Верхнеколымска. Плодами этого утомительного перехода через четыре горные кряжа стали, в частности, первый геологический разрез новооткрытых горных цепей, богатые коллекции ботанических, геологических и зоологических материалов, а также этнографические и метеорологические наблюдения.

Во время зимовки в Верхнеколымске Черский обрабатывал материалы и приводил в порядок записи и наблюдения, собранные во время путешествия. Вел также подготовку к весеннему спуску вниз по течению Колымы с целью изучения ее берегов. Однако, на протяжении всей зимы состояние здоровья Черского неуклонно ухудшалось. Его терзали мучительные приступы удушья, частые ревматические боли, сдавало сердце и все чаще напоминало о себе хроническое заболевание легких. Тем не менее неутомимый исследователь, не обращая внимания на все эти недуги, готовился преодолеть намеченный им маршрут.

Как только на Колыме закончился ледоход, все участники экспедиции, вместе с двенадцатилетним мальчиком, двинулись в путь, который стал для Черского последним. 31 мая 1892 года, сядясь в лодку, он сказал собравшимся на берегу друзьям и знакомым: «Если очень повезет, то недели три я ещё протяну». Расчет оказался верен: Черский ошибся всего на четыре дня...

Они плыли по течению огромной реки, до тех пор еще не описанной в научных трудах, которая под проливным дождем иногда казалась разбушевавшимся морем. Несколько раз останавливались, чтобы собрать образцы почвы и минералов. Несмотря на ухудшающееся здоровье, Черский наблюдал прибрежные обнажения горных пород и детально описывал образцы, которые приносила ему жена.

10 июня путешественники сделали остановку в Среднеколымске, после чего отправились дальше. Здоровье Черского становилось все хуже. В его экспедиционном дневнике все чаще среди полузашифрованных заметок можно обнаружить осознание неуклонного приближения конца жизни. Исследователь уже не может удержать в руках карандаш, и свои наблюдения ему приходится диктовать жене. Позади остается урочище Сень-Томах. Надежды на выздоровление больше нет: «Тело худое как щепка, на пожелтевших щеках землистые пятна, руки постоянно дрожат». Черский хочет понять, от какой именно болезни он умирает, и в эти невыносимые минуты у него еще хватает силы на насмешку над самим собой... и над смертью. «Мне остается лишь радоваться, - говорит он, - что я умру здесь, в наших палестинах, и через много-много лет какой-нибудь геолог откопает, быть может, мои останки, отошлет их в какой-никакой музей - и тем самым увековечит меня на все времена».

Жена и сын старались поддерживать в нем бодрость духа. Однако в своем дневнике М.Черская была откровенна и рядом с полузашифрованными географическими записями оставляла сведения о состоянии здоровья мужа.

«23 июня. Мужу стало хуже. Он совсем обессилел.

24 июня. Боюсь, что он не доживёт до утра. Боже, что с нами будет дальше ? Причалили к правому берегу в 8 час.54 мин.

25 июня. Всю ночь муж не мог заснуть. Его измучила сильная лихорадка. Отплыли в 7 час.40 мин. В двенадцатом часу у мужа началось сильное удушье. Мы не можем причалить к берегу, повсюду крутые скосы. Муж указал рукой на шею, чтобы прикладывать туда холодные компрессы. Через несколько минут удушье прекратилось. После этого началось кровотечение из носа.

Мы причалили к берегу в 3 час.30 мин. пополудни на реке Прове.

Муж умирает. Кончина наступила в 10 часов 10 минут вечера.

Надпись на памятнике И. Д. Черскому

26 июня. Продолжаем стоять из-за сильного волнения на реке. Мужа положили в пустую лодку и прикрыли корой. Дождь, температура воздуха = + 5°.

27 июня. По-прежнему не двигаемся из-за волнения на реке. Ночью шел снег. Температура воздуха в 12 часов дня = + 2,8°.

28 июня. В 2 часа ночи температура воздуха = + 5°. Отчалили в 4 часа 35 мин. причалили на левом берегу в 9 час.12 мин. Местечко называется Колымское. На правом берегу реки Омолон находится почтовая станция.

29 июня. Стоим в связи с подготовкой к похоронам мужа.

30 июня. По-прежнему стоим в связи с подготовкой к похоронам. В округе проживают обруссевшие юкагиры. Кроме собак, никаких животных у них нет. Питаются рыбой. Люди очень добрые, дружелюбные; с большим сочувствием отнеслись к моему горю. На берегу, где скончался муж, поставили большой деревянный крест с датой его смерти.

1 июля. В 4 часа пополудни состоялось погребение. Им руководил казачий урядник Степан Растворгусев, человек в экспедиции просто незаменимый».

В ноябре 1892 года на общем собрании Императорской Академии наук в Петербурге, посвященном памяти Черского, были произнесены следующие слова:

«Подвижническая жизнь Черского содержит в себе столько поучительного и преисполнена столь глубокого драматизма, что нельзя не испытать чувства глубокого уважения к его личности. С одной стороны, мы имеем дело с чрезвычайно симпатичным, благородным и скромным человеком, а с другой - вся жизнь Черского состояла из упорной борьбы с материальными трудностями за идеалы служения науке».

Более подробно о трагических событиях, разыгравшихся на реке Прове, мы узнаем из воспоминаний М.Черской, переданных в 1925 г. в Якутскую комиссию Академии наук СССР. Оказывается, ее муж умер как раз тогда, когда экспедиция оказалась среди голых и пустынных берегов реки Колымы. Частые в этих места бури вздывают на реке высокие волны и с корнями вырывают деревья в ее верховьях.

«Такая буря, - писала многие годы спустя жена Яна Черского, - вынудила меня войти в русло реки Провы, представляющей собой приток Колымы, где мы четверо суток ожидали окончания шторма. Я хотела похоронить мужа неподалеку от какого-нибудь человеческого жилья, и поэтому после окончания шторма экспедиция продолжила свой путь. Мы остановились вблизи урочища Омолонье. Из дерева, принесенного течением реки, было сделано нечто вроде гроба, куда и было положено тело умершего. Начали копать могилу, но уже на глубине пол-аршина земля оказалась настолько промерзшей, что пришлось отложить лопаты и продолжать копать исключительно с помощью топора».

Упомянутое выше урочище Омолонье простирается на безлесной равнине, где местные жители постоянно ожидают бурь, во время которых по реке проплывает множество деревьев, поваленных в верховьях Колымы. Эти деревья местные жители вытаскивают из воды и используют для изготовления всевозможных орудий и хозяйственной утвари. Во время похорон мужественной жене исследователя с помощью сына удалось вытащить из реки какие-то обломки деревьев, но этого не хватило на крест и ограду вокруг могилы, а она непременно хотела, чтобы были и крест, и ограда. Однако она не могла позволить себе ждать следующей бури и поэтому попросила одного из жителей поселения чтобы тот при первой возможности выловил из реки немного древесины и исполнил ее желание. Затем она отправилась в путь и была уже далеко, когда одинокую могилу обнесли оградой и поставили на ней крест.

Могила Яна Черского находится в 30 км вниз по течению реки от места его кончины. Здесь, в урочище Омолонье, уже в советское время на берегу Колымы был сооружен памятник, который всем добравшимся до этих отдаленных мест напоминает о неутомимом исследователе Сибири - поляке Яне Черском, участнике восстания 1863 г. На постаменте установлен бюст покойного исследователя и выбита надпись:

«Выдающемуся исследователю Сибири и Колымы, Индигирки и Яны, геологу и географу Ивану Дементьевичу Черскому (1845 - 1892) от благодарных потомков». Марфа Черская, выполняя предсмертное пожелание мужа, продолжала плыть вместе с экспедицией. Она продолжала вести наблюдения вплоть до Нижнеколымска, а собранные материалы и коллекции минералов передала в Российскую Академию наук в Петербурге. Когда она после завершения экспедиции пустилась в обратный путь, ее сын заболел скарлатиной. В феврале 1893 г. им удалось на санях добраться Якутска, а затем - до Иркутска. Местные газеты уделили много внимания этой необычной экспедиции. Отзывы были самыми восторженными: «Мир праху необыкновенного человека, самоотверженного мученика науки! Пусть его жизнь послужит примером будущим поколениям ученых! Ибо наука продвигается вперед только благодаря таким людям, как Черский».

Оставшись на некоторое время в Иркутске, жена Черского, раздумывала, что ей делать дальше. В конце концов она все-таки решилась поехать в Петербург, где и передала Академии наук собранные во время экспедиции материалы. О дальнейшей ее жизни известно немного.

Лешек Шаруга

Обзор литературной периодики

Лешек Шаруга

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В вышедшем на рубеже 1999-2000 гг. номере „Плюс-Минус” (№53), еженедельного культурного приложения к газете „Жечпосполита”, Густав Херлинг-Грудзинский публикует очередные фрагменты своего „Ночного дневника”. На этот раз внимание писателя среди прочего привлекла „Новая Польша”. Напомнив о своих статьях, посвященных русской литературе и опубликованных на страницах парижской „Культуры”, а затем собранных в книге „Призраки революции”*, он пишет: „Поэтому я с радостью приветствую первый номер журнала „Новая Польша” под редакцией Ежи Помяновского. При возвращении подлинной польско-русской дружбы следует соблюдать некоторые принципы. Один из них — смелость. Опасение „обидеть русских” — абсурд и близорукость. (...) „Новая Польша” (это призыв Помяновскому), обращаясь к русским читателям, должна хранить смелость и искренность. В первом номере появился фрагмент моего дневника из „Плюс-Минуса” на тему сербского кризиса. (...) Это хороший признак. Надеюсь, что „Новая Польша” не будет избегать черных красок в оценке положения в России, так как практически она адресована русским, испытывающим ужас при виде „дивной малины”**, воровской и взяточнической в имперском масштабе, а в прессе, которая выходит в Москве, они об этом не так уж много могут прочитать. Не может быть и „льготного тарифа” российскому генералитету, обнаглевшему от завоевания Чечни. Читателями „Новой Польши” будут люди, воспитанные Сахаровым и Ковалевым, нередко с подозрением относящиеся к паре

Солженицын—Шафаревич и по меньшей мере, не пылающие любовью к генералу Александру Лебедю. Может быть, Помяновский отыщет, перепечатает и прокомментирует интервью с генералом, появившееся несколько лет назад в одном из московских изданий, из которого я запомнил фразу: „Мы никогда не смиримся с потерей (!) Польши”. Российские имперские пополнования опасны и серьезны, но важнее этого — формирование, вероятно, небольшой группы русских, которые серьезно относятся к демократии, чаяниям бывших „младших братьев” и не плюют (в противоположность большинству советского общества) на „Мемориал”.

Конечно, мы согласны с Херлингом-Грудзинским: в отношениях с русскими, как и со всеми другими, нужны смелость и искренность. Но когда Помяновский в свое время писал, что Лебедь представляет собой альтернативу, с которой поляки вынуждены считаться, он всего лишь указывал, что люди покроя Лебедя составляют на российской политической сцене реальную силу. Тем более, что он принадлежит к тем российским патриотам, которые отвергают имперализм. Не знаю, откуда взял Херлинг свою цитату из Лебедя, зато знаю, что Помяновский в свое время (в том же „Плюс-Минусе”) цитировал статью генерала под знаменательным названием „Сумерки империи, или Возрождение России” („Сегодня”, 1996, 24 июня) и закончил вздохом: „Дай нам Боже таких националистов!” Сейчас о Лебеде что-то ничего не слышно, но, может быть, его заглушают пушки? А вдруг у него найдутся последователи? Ладно, сегодня реальную

силу представляет Путин, с которым тоже, как с любым политиком, обладающим властью в России — нравится он полякам или нет, — придется обсуждать общее российско-польское будущее. Нынешняя Россия все еще не сумела отказаться от имперских амбиций, что полякам нравиться не может, как не нравится им и война в Чечне или потенциальное недовольство „потерей Польши”. Но это не значит, что тогда полякам надо повернуться спиной к действительности. Существует в России демократически настроенная общественная группа или ее нет — для поляков это важно. Но нельзя утверждать, что такой группы совсем нет, — а именно такой образ России подспудно содержится там, где он подчеркивает существование по-прежнему „советского общества”. Герлинг утверждает, что в России *плюют на Мемориал*. Да, плюют многие политики. Но без поддержки существенной части общества эта организация не могла бы издавать во многих городах свои „Книги памяти” и помогать семьям жертв репрессий. Так же странно читать о „тандеме Солженицын—Шафаревич”. Нет его и в помине.

В том же номере „**Плюс-Минуса**” Ежи Гедрайц в интервью, озаглавленном „Столет польской судьбы”, на вопрос Кшиштофа Маслоя о самых важных вопросах, поднимавшихся на страницах „Культуры”, подчеркивает особую важность польско-русского диалога. „Россия всегда останется великой державой, а мы своего геополитического положения не переменим, поэтому наша задача — нормализация отношений с российским обществом и русским народом. И не забудем: Россия останется великой страной, но без Украины она неспособна вести имперскую политику. Надо, кстати, объяснять русским, что склонности к имперской политике вредят им самим. Думаю, что наши труды в этом направлении будет продолжать журнал „Новая Польша” под редакцией прекрасного

знатока российских проблем Ежи Помяновского”. Это несомненно — для того наш журнал и был создан. И если в данном обзоре я сосредоточился на этих двух высказываниях, опубликованных на рубеже года, то прежде всего для того, чтобы отметить, что в этом польско-русском диалоге для обеих сторон — а может быть, и для будущего Европы — важны даже малейшие оттенки, важен язык диалога, буквально каждое слово. С обеих сторон наросли комплексы, от которых невероятно трудно избавиться. Всего десять лет поляки и русские могут разговаривать друг с другом как равноправные партнеры, — это все еще слишком мало по сравнению с событиями истории.

Один из способов разговора — попытка поиска общего языка с помощью литературы. Именно такую попытку сделал Януш Гловацик в пьесе „Четвертая сестра”, которая идет одновременно в варшавском Театре „Повшехны” и вроцлавском Театре Польском. Она принесла критикой в целом довольно скептически. Тем не менее, рецензент варшавской „**Политики**” (2000, №2) Яцек Серадзкий пишет: „Гловацик (...) взял канву с первых страниц газет. Канву увлекательную: крушение опор и креплений колоссального здания российского государства, обвал империи, которая, похоже, всегда стояла на глиняных ногах, но ущерба своим крахом может нанести немыслимо много. Писатель позаботился о злободневности текста: в нем есть и проделки мафии, и эхо чеченской войны, и бомбы в жилых московских районах. За это он заплатил спешкой и плоскими реалиями. Между тем ничто не указывает, будто онставил себе задачу заново перепахать русскую душу, словно некий новый Достоевский. „Четвертая сестра” — это совершенно сознательная игра литературными и культурными стереотипами. В конце концов, мир героев Чехова с их мечтами („в Москву!..”), заботами („как жить?”) и декларативными

заявлениями („надо работать, дядя Ваня”) давно оторвался от исторического времени и бытового контекста. Более того, он стал одним из главных сценических кодов, выражающих чувства театральных зрителей во всем мире. (...) Представляя новое воплощение сестер Прозоровых, Гловацикский просто обратился к театральному языку, вполне понятному и в Польше, и за океаном. Он попробовал увидеть на сцене, как сказал в одном интервью, „те несколько шагов, которые сделал мир со времени, когда его наблюдал Чехов”. Показать их в холодном свечении абсурда, в испарениях смешного. И только под этим углом, обостряющим зрение, наблюдать извечную погоню за любовью вопреки всему; погоню, несравненным певцом которой был сто лет назад русский доктор”. Говоря об обоих спектаклях, критик отмечает, что режиссеры не справились с пьесой: „Любовник одной из сестер — режиссер-документалист из-за океана, который снимает фильм о Москве; Гловацикский явно хотел, чтобы взгляды этого претендента на Оскара постепенно выходили на первый план, чтобы американские клише накладывались на российские, сплетаясь в узел, который можно развязать уже не выстрелом из чеховского ружья, а только очередью из автомата Калашникова. От этой скрепы, придающей пьесе универсальность, в постановках практически ничего не осталось. Ошибка драматурга? Но ведь в тексте „Четвертой сестры” легко найти место, где разные условности начинают смешиваться, а русская сатира превращается в глобальную”. К этому можно добавить только одно: то, что этот переход был не замечен, — возможно, еще одно доказательство провинциальности взгляда на Россию у польских режиссеров, которым глобализирующий охват автора, живущего в Нью-Йорке, по-прежнему ничего не говорит. А впрочем, занятно, что после „Любви в Крыму” Славомира Мрожека поляки в сравнительно короткое время получили еще

одну драму, где „русская тема” играет главную роль. И все это, в польской драматургии, не слишком богатой, пожалуй, следует признать значительным событием.

В прозе, в отличие от драматургии, последнее десятилетие принесло, по крайней мере, на вид, большое оживление. Теперь подводятся его итоги. В последнем номере журнала „Декада Литерацка” (1999, №11-12) вышла интересная статья Роберта Осташевского „Записки близорукого. Иной взгляд на прозу после 1989 года”. Иной — это значит не направленный, как большинство публиковавшихся до сих пор статей, на поиски новизны, характеризовавшие критику, которая полагала, что глубокие перемены политической и общественной системы должны принести с собой радикальные перемены в познавательном подходе литературы. Особенno интересны возражения Осташевского на утверждения о том, что проза, возникавшая после 1989 г., отбросила историческую перспективу, до тех пор столь сильно доминировавшую в польской словесности: „Отказ от романтической парадигмы привел к деконструкции повествовательного пространства, определяющего рамки, в которых до тех пор можно было вести диалог с историей и на темы истории. Писатели, вступившие в литературу после 1989-го, оказались перед вопросом: как писать об истории, чтобы, с одной стороны, не впасть в ура-патриотические банальности, а с другой — постичь специфику исторического момента? (...) Каким образом история функционирует в новейшей прозе? Можно указать три главных стратегии введения истории в прозаические тексты, появившиеся после 1989 года. Одна из них строится на дроблении, распылении истории в изолированные фрагменты, не составляющие целого, не складывающиеся в телеологическом порядке, не создающие линейной цепочки событий. Тогда история сводится к набору анекдотических

происшествий и обычно дегероизируется. Вторая — на выдвижении новой точки зрения на историю, которая должна служить новому толкованию исторических событий, показу их многозначности или же компрометации принятых схем. Третья — на показе истории, прошедшей через призму социальных языков, функционирующих в данной действительности". Выходит, неверно, что история оттеснена на задний план, литературные тексты по-прежнему полны ее событиями, однако, как подчеркивает критик, они не только претерпевают дегероизацию, но и избавляются от политических и идеологических сверх истолкований.

Однако события, которые можно было бы назвать переломными в прозе, найти нелегко. Другое дело — в поэзии: она тоже пытается справиться с трудностями „опыта переходности”, о котором, стремясь дать общую картину перемен в лирике последнего десятилетия, пишет Мариан Сталя в эссе “Что-то кончилось, ничего не хочет начинаться” на страницах краковского еженедельника „**Тыгодник Повшехны**” (2000, №2): „Опыт переходности, о котором так волнующе говорит Ружевич, можно назвать и по-другому. А именно можно сказать, что польская поэзия за последнее десятилетие прошла (или продолжает проходить) через испытание практической свободой. Именно это испытание — самое главное приключение, в которое вписалось (или: в которое впуталось) сегодняшнее

словесное искусство. (...) Во время перехода, размывания ценностей на поверхности удерживаются, во-первых, те, кто сумеет целиком подчиниться обстоятельствам, отождествиться с ними, а во-вторых, те, кто от этих обстоятельств совершенно независим. Таким образом, это время поэтов-метеоров, появляющихся и тут же исчезающих, и одновременно время мастеров, говорящих так давно и так твердо поставленными голосами, что они не поддаются давлению момента... И, может быть, не надо удивляться тому, что десятилетие, начинавшееся эйфорическим праздником молодости, заканчивается „уроком старых мастеров”, передающих свой поздний опыт, свою „зимнюю сказку” (...) Притом эта сказка волнует и тревожит не потому, что ее авторы — старики, но потому, что в их конкретных, неповторимых голосах отзывается общий, глубоко пережитый опыт времени перехода, опыт плоти, боли, зла... Он-то и приводит к тому, что размышления о поэзии 90-х можно и нужно заканчивать словами Милоша, Шимборской, Ружевича, Херберта”.

* Некоторые статьи из этой книги были опубликованы по-русски на страницах журнала “Континент” (см. содержание журнала в юбилейном 100-м номере).

** Здесь писатель использует название романа Казимежа Орлося, действие которого разворачивается в польской провинции. Русский перевод романа также был напечатан в “Континенте”.

Станислав Ежи Лец сказал...

НЕ ДАЙТЕ НАВЯЗАТЬ СЕБЕ СВОБОДУ
СЛОВА, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ДОБЬЁТЕСЬ
СВОБОДЫ МЫСЛИ !

Янина Куманецкая

Летопись культурной жизни

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

¶ Значительные изменения претерпели за последние годы польские новогодние традиции. Люди словно позабыли о морозах, о географии и в новогоднюю ночь толпами выходят на улицу, чтобы принять участие в массовых праздничных мероприятиях на площадях и скверах; разные местности соревнуются меж собою в придумывании новогодних развлечений. Новый 2000 год вместе с жителями Варшавы встречали около 70000 молодых людей со всего мира, принявших участие в Европейской Встрече молодых, которая ежегодно организуется в разных городах Европы совместно с экуменической общиной Тэзе, основанной в 1940 году швейцарским протестантом - богословом братом Роже, который оказывал помощь беженцам. Позже к нему присоединились и католики. „Тэзе это не движение, это дух” - говорят его приверженцы. Дух простоты, единения, терпимости, взаимного уважения.

¶ Уже принято решение о создании учреждения, призванного пропагандировать польскую культуру в мире. Польский вариант испанского института Сервантеса или немецкого института Гете будет называться институтом Мицкевича в честь выдающегося польского поэта - романтика. А пока суд да дело, созданы четыре новых польских центра культуры прежнего образца - в Санкт-Петербурге, Нью-Йорке, Тель-Авиве и Бухаресте.

¶ В начале января вручены присуждаемые еженедельником „Политика” так называемые паспорта „Политики”: премии в области культуры, цель которых поддержать многообещающих, по мнению жюри, молодых авторов. Их получили: в области литературы - Марек Беньчик, автор романа „Творки” (так называется психиатрическая больница близ Варшавы) и переводчик Кундеры; режиссер Кшиштоф Краузе за фильм „Долг”, Агнешка Глинская - в области театра, ансамбль „Мысловитц” - в области эстрады, художник Леон Тарасевич и, наконец, Павел Мыкетын в области музыки. Редакция еженедельника „Впрост” присудила свою премию, в числе прочих, писателю и публицисту Яну Новаку Езеранскому, некогда возглавлявшему польскую редакцию радио „Свободная Европа”, а теперь политическому деятелю в США.

¶ При опросе, организованном журналом „Пресс” с целью выявить лучшего журналиста, названо много достойных имен, однако первое место досталось не имеющему себе равных польскому королю репортажа Рышарду Капусцинскому („Черное дерево”, „Футбольная война”, „Лапидарий”¹). „Где сам черт не сможет, туда он Капустинского пошлет” - так, выражая свое восхищение, реагировали на премию коллеги - журналисты.

¶ Двести репортерских фотографий, выбранных из нескольких десятков тысяч, обезжают мир в выставке „World Press Photo”, которая посетила и варшавскую „Захенту”². Один из самых потрясающих снимков - работа поляка Томаша Гудзоватого „Наука убивать”: два молодых гепарда изготовились умертвить столь же молоденькую газель. (1-я премия в категории „Природа и среда”).

❧ В парижском музее „d'Orsay” откроется выставка Яцека Мальчевского, одного из выдающихся художников периода Молодой Польши³

❧ В Художественной галерее Кракова состоялась выставка „Авангардисты и соцреализм”, перекликающаяся с легендарной 1-й выставкой Современного искусства (в Кракове) в 1948 году - последней выставкой авангарда перед насаждением соцреализма. Искусство еще раз соприкоснулось с политикой, поскольку организаторы решили показать отношение польских абстракционистов к всесильному в сталинскую эпоху методу, степень их ангажированности в те времена.

❧ 25 декабря в Варшаве скончался один из мастеров художественного авангарда Ежи Тухевский. „Неуловимый, строптивый, непокорный, - писал о нем его друг, выдающийся поэт Тадеуш Ружевич. - Гордое искусство... Он сам служит пищей своего искусства... Он сам - полено в том костре, который разжигает”.

❧ В возрасте 89 лет в Варшаве скончался Ежи Вальдорфф - выдающаяся, яркая фигура польской культурной жизни. Он был замечательным музыкальным критиком, однако Варшава чтит его прежде всего за неутомимую заботу об историческом столичном некрополе - Повонзках.

❧ В Кракове в январе состоялся Фестиваль церковной музыки, в котором, в частности, приняли участие хоры из Киева, Софии и Москвы. В программе были церковные гимны, древнерусские псаломы, монастырские распевы XVII-XX веков и украинские колядки.

❧ Судя по всему, Большой Оркестр Рождественской Помощи установил в этом году очередной рекорд, собрав в морозный январский день около семнадцати миллионов золотых в пользу детей с почечными заболеваниями. Оркестр Ежи Овсяка дал свой восьмой концерт. Всякий раз перед концертом определялись конкретные цели пожертвований, но адресатом всегда были больные и страдающие дети. „Овсяк создает не движение, но исполненный величия, ежегодно обновляемый ритуал, - пишет Петр Пацевич в „Газете Выборчей”. - Вторая неделя января стала Праздником сердец, в массовом масштабе удовлетворяющим наши духовные потребности. Сила его, как и больших религиозных праздников, в простоте замысла... При этом оркестр звучит молодо и весело. Большие ценности, которые несет смех - это новость в нашей культуре”.

❧ На сцене вроцлавского Польского театра состоялась новая премьера вроцлавского Театра Пантомимы: „Трагические игры” Хенрика Томашевского по мотивам двух пьес австрийского писателя Фердинанда Брукнера.

❧ Возобновлена постановка Христиана Люпы по „Братьям Карамазовым” Ф.М.Достоевского в краковском Старом театре. Инициатором этого предприятия был директор программ парижского Осеннего фестиваля, который видел первую версию

спектакля, состоявшегося в 1990 году; нынешняя постановка стала возможной благодаря финансовой поддержке парижского „Théâtre de l'Europe”, „De Singel international Kunstmuseum” из Антверпена, а также венского фестиваля Wiener Festwochen. Там состоятся гастроли после краковской премьеры. Христиан Люпа был удостоен в прошлом сезоне Grand Prix de la Critique за лучший зарубежный спектакль, показанный во Франции („Лунатики” по Герману Броху).

❧ Во французской Академии Изящных искусств место после скончавшегося в прошлом году француза Марселя Карне („Люди за туманом”, „Отель du Nord”, „Комедианты”) присуждено польскому кинорежиссеру Роману Поланскому, автору фильмов: „Нож в воде”, „Чайнатаун”, „Франтик”, „Тесс”, „Пираты” и недавнего „Девятые ворота”. Драматург Питер Устинов сказал в своем похвальном слове: „Не часто случается, чтобы поляк просил русского ввести в наилучшее общество французских актеров”.

❧ В Варшаве состоялся II-й съезд польских кинематографистов. Несмотря на отличные результаты прошлогоднего показа отечественных фильмов на экранах в Польше, их создатели бьют тревогу. Из-за попытки очередного урезания финансовых средств на кинематографию, польскому кино грозит гибель. В конце концов, не каждый год на экранах появляются такие фильмы, как „Пан Тадеуш” и „Огнем и мечом”, создавшие благоприятную ситуацию в прошлом году. На съезде подчеркивалась необходимость защиты национального самосознания европейских стран, в чем кино – незаменимый посредник. Возрождение польского документального кино предсказывает Тадеуш Соболевский. „Это кино, - пишет он в „Газете Выборчей”, - всегда остро реагировало на человеческое убожество, но во времена Польской Народной Республики причины зла искали в общественных условиях. Сегодня... если кино призвано будить надежду, оно должно это делать иным способом: показывая борьбу духа с материей, наводя мосты между мною и другим человеком. И это удается польскому документальному кино конца 90-х годов. Достаточно назвать такие фильмы, как „Такая история” и „Сестры” Павла Лозинского или „Benek blues” Катажины Мачейко-Ковалчик. Надеемся, что начало нового века будет не менее удачным.

❧ Ежегодной премии варшавской Сиренки (герба польской столицы) удостоен отечественный фильм „Долг” Кшиштофа Краузе. Лучшим заграничным фильмом, из показанных на польском экране в прошедшем году, признан фильм „Все о моей матери” испанца Педро Альмодовара.

❧ „Путешествие в Двадцатилетие” - так называется новая книга Чеслава Милоша. Это сборник документов, репортажей, воспоминаний, относящихся к периоду между двумя войнами. Милош, используя подобранные им выписки и сопровождая их авторскими комментариями, указывает на некие процессы, которые, по его мнению, в конечном счете определили сущность II-й Речипосполитой. Рецензенты хотят видеть в этом труде предостережение нынешней элите. Что, правду говоря, далеко не всем нравится. Как оказалось, почтенный лауреат Нобелевской премии опять - в который уж раз в своей жизни - воткнул палку в муравейник.

❀ В Варшаве состоялась презентация „Свободной Трибуны” Христиана Скшипошека, недавно скончавшегося польского автора, который провел много лет в эмиграции в Берлине. Книга признана выдающейся, а рецензент газеты „Жечипосполита” Богдан Рудницкий расценил ее как „единственную в III-й Речи Посполитой серьезную удавшуюся реализацию современного романа. „Свободная Трибуна” - типичный эпистолярный роман; его героям Скшипошек сделал язык ПНР’овской действительности, когда себе и обществу всячески внушалось, что слова важнее действительности.

❀ Среди изданий, вышедших в свет по случаю 150 летней годовщины смерти выдающегося польского поэта-романтика, и драматурга, Юлиуша Словацкого, много шума наделала книга „Сатангел. Сложная жизнь Словацкого” Яна Зелинского. Автор показывает совершенно новый, непривычный образ великого поэта. Наряду со скандальными намеками (существует, якобы, свидетельства того, что поэт был гомосексуалистом и наркоманом) в книге есть, к примеру, фрагменты, говорящие о том, что Словацкий играл на бирже (притом, кажется, весьма удачно) и зарабатывал на контрабанде. В одном из своих интервью Зелинский признался, что хотел написать эту книгу так, чтобы она воспринималась поколением его сына, выпускниками школ начала XXI века. А вот как подытожила Год Словацкого историк литературы, профессор Алина Ковалчикова, занимающаяся творчеством поэта: „Теперь (...), быть может, пришло время Словацкого. Признаюсь, я очарована его творчеством. Блеском его мастерства. Концепцией жизни, в которой особо ценятся тяга к познанию и стремление к правде; романтической верой в величие человеческого духа, которую можно в себе возбудить. И пониманием поэзии как предмета воображения, открывающего перед нами мир будущего”.

❀ Польша радуется: Американская Киноакадемия присудила режиссеру Анджю Вайд высочайшую в области киноискусства награду - „Оскара”, венчающую творческий путь известного во всём мире мастера кино.

¹ Лапидарий - музейное собрание древних каменных статуй, могильных плит, фрагментов строений и т.д.

² Захента - известный художественный салон в Варшаве.

³ Молодая Польша - литературно-художественное направление на рубеже XIX-XX веков (модернизм в сочетании с традицией польского романтизма; неоромантизм).

Гжегож Птебинда

Современная русская литература в Кракове

Гжегож Пшебинда

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КРАКОВЕ

Октябрьский монографический номер краковского журнала „Литературная декада” („Dekada Literacka”, № 8/10, 31 X 1999) целиком посвящен новейшей русской литературе, прозе и поэзии. Он несомненно выходит навстречу ожиданиям польских читателей, среди которых культура и литература России всегда вызывала большой интерес. Свидетельствуют об этом также приведенные во вступительной статье результаты недавнего рейтинга шедевров всемирной литературы нашего века, где первое место завоевал „Мастер и Маргарита”. Благодаря русскому выпуску „Литературной декады”, польский читатель может существенно обогатить и усовременить свои знания о литературной жизни в России.

Журнал издается с 1991 года Краковским фондом культуры. Его главным редактором является известный литературовед Марта Выка, профессор Ягеллонского университета, а сотрудничают с ним крупнейшие польские писатели, во главе с Виславой Шимборской и Чеславом Милошем, лауреатами Нобелевской премии, литературные критики и историки. Журнал адресован гуманитарной интеллигенции, студентам и ученикам средних школ. Можно здесь найти поэзию и прозу, эссе, очерки, фельетоны, интервью и рецензии, относящиеся преимущественно к польской литературе и искусству. Однако время от времени редакция выпускает также специальные номера, знакомящие с иностранной литературой. Несомненно, русский выпуск — вписываясь в эту традицию — представляет собой один из ее лучших элементов.

Успех журнала гарантирует сам ее предмет — русская проза постсоветского периода. Тексты подобраны представительно и любопытно, хотя можно бы, конечно, еще кое-что добавить, кое-где спорить. Спорить, однако, не будем, потому что суть любого выбора заключается в его относительности и ограниченности — причем предложенный здесь вполне себя оправдывает. Многие авторы переводились уже раньше на польский язык, другие же были известны лишь понаслышке. Неоспоримой звездой номера является Людмила Петрушевская, представленная рассказами „Новые Робинзоны”, „Хроника конца XX века”, „Молодость” и пятью миниатюрами из цикла „Дикие животные сказки”, украшенными рисунками автора. Большое впечатление остается также от текстов совершенно в Польше неизвестного талантливого писателя Юрия Байды — здесь автора „Веселой Гертруды” и коротких сюрреалистических рассказов „Тоннель” и „Гость из Андорры”. С интересом читается и польский дебют Игоря Клеха „Костел на Привокзальной”, притом не только благодаря польской теме. Занимательны произведения Татьяны Толстой („Огонь и пыль”), ее сестры Натальи („Туристу о Петербурге”), Виктора Ерофеева (в основном „Русская щель”), Елены Твердисловой („В бермудском треугольнике”), отрывки из романов Виктора Пелевина и Валерии Нарбиковой („Равновесие света ночных и дневных звезд”), постмодернистское эссе Вячеслава Курицына („Бодрилляк”), а также короткие формы Генриха Сапгира, Вячеслава

Пьеуха и “Митьков”. Помещена здесь также поэзия (Александр Кушнер, Юнна Мориц, Алексей Пурин, Ольга Седакова, Лидия Чуковская и Елена Шварц).

Однако существенный вклад в упомянутый выше успех внесли и польские авторы журнала. Он возник благодаря усердному труду ответственного редактора, Януша Свежего из Ягеллонского университета, собравшего вокруг себя коллектив тонких и опытных знатоков и любителей русской культуры, а также талантливых переводчиков. Следует особенно подчеркнуть роль этих последних — как признанных, так и дебютирующих в этой роли: прежде всего Ядвиги Шимак-Рейфер, Тадеуша Любельского, Халины Вашкевич, Анны Скотницкой-Май, Беаты Скорек, Катахины Хмель, но особенно Малгожаты Бухалик — студентки русистики Ягеллонского университета, автора более чем половины всех переводов, причем высококачественных и вполне зрелых.

Немаловажно и то, что наряду с переводами, в журнале находим информационно-критические статьи, освещдающие различные аспекты истории современной русской литературы. Наиболее весомую просветительскую цель преследует очерк Анны Скотницкой-Май из Вроцлавского университета, озаглавленный „Литература ускоренного развития” и трактующий об основных именах, произведениях, формальных и идейных поисках, а также течениях в литературе последних лет. Насколько все это в Польше известно (или неизвестно) узнаем из вступительной статьи Януша Свежего {„Новейшая русская литература в Польше: кое-что знаем, но все еще мало”}. Две очередные статьи затрагивают частные проблемы литературоведческих исследований: Ядвига Шимак-Рейфер из Ягеллонского университета коротко описывает творчество женщин-писательниц и их журнал

„Преображение” („Русские феминистки”), а Алиция Володзько-Буткевич из Варшавского университета обращает наше внимание на бурно развивающуюся литературную жизнь российского Интернета („Продолжение книги — Интернет”).

Нельзя обойти молчанием еще одно достоинство этого выпуска „Литературной декады” — ее художественное оформление, отлично иллюстрирующее отдельные тексты. Примером может послужить фотографическая история возникновения, гибели и восстановления Храма Христа Спасителя, которая соотносится с одной из основополагающих мыслей очерка Анны Скотницкой-Май о разыскивании утраченных корней (здесь стоит еще раз возвратиться к подбору переведенных текстов, которые своими темами и формальными поисками относят нас к началу века, что явно подтверждает эту мысль).

Отзывы о выпуске очень одобрительны и даже восторженны. Первые были высказаны сразу на презентации журнала, состоявшейся 10-го ноября в краковском кафе-ресторане “Вишневый сад”; толпа гостей лучше всего показала интерес к тому, что и как пишут русские! На презентации присутствовали писатели, переводчики, ученые краковских вузов, студенты, а также представители Генерального Консульства РФ в Кракове и меценатов, благосклонно отнесшихся к идеи и не пожалевших средств на ее осуществление. Их имена указаны в журнале, но не зря будет привести их и здесь: Гмина Краков, Институт Восточнославянской филологии Ягеллонского Университета, Общество сотрудничества Польша-Восток, Русско-Польский фонд „Культура и искусство без границ”, Фонд им. Стефана Батория, Швейцарский фонд Pro Helvetica.

Чеслав Милош

Cafe Greco

Чеслав Милош

CAFE GRECO

В восьмидесятых годах двадцатого века;
в Риме, на вия Кондотти,

Мы сидели с Туровичем в Café Greco

И я говорил ему эти примерно слова:

- Мы видели много, познали много.

Рушились государства, исчезали страны,

Химеры людского ума окружали нас,

Люди гибли или шли в неволю.

Ласточки Рима будят меня утром,

И ощущаю мимолетность, легкость

Отрыва. Кто я есть и кем я был.

Не так уж важно. Ибо те, другие,

Великие и благородные, поддерживают меня,

Когда я думаю о них. Об иерархии

Жизней. Те, доказавшие преданность вере,

Чьи стерты имена, кто втоптан в землю,

Не покидают нас. Из них берется мера

Трудов, надежд и планов, эстетическая, я сказал
бы.

Чем же себя искупит литература;

Если не похвальной мелопеей, гимном,

Хотя бы помимо воли. А Ты мое восхищение

Снискал, ибо сделал больше, чем гениальные,
гордые Некогда здесь сидевшие мои собратья

Их мучала недобротельность, а я удивлялся,
откуда

Их угрязенья совести, теперь понимаю.

С годами или же близясь к концу двадцатого
века

Все больше мы ценим дар мудрости и доброту.

Читанный нами обоими некогда Маритен

Имел бы повод гордиться, А для меня:

удивленье,

Что город Рим стоит, что снова мы

встречаемся,

Что есмь я еще миг, и я, и ласточка.

Перевод Владимира Британишского

Foto Grzegorz Kozakiewicz

Чеслав Милош род. в 1911 году в Красногруде писатель, лауреат Литературной Нобелевской премии 1980 года, в последнее время опубликовал книги „Жизнь на островах”, „Азбука Милоша”, „Придорожная собачонка”.

Ежи Турович (1912-1999) - выдающийся польский религиозный и общественный деятель, публицист, полвека возглавлявший авторитетный и заслуженный орган либеральных католиков „Тыгодник повищехны”. Ровно год тому назад, 27 января Ежи Турович ушел из жизни.

Чеслав Милош

О конце света

Беседа с Катажиной Яновской и Петром
Мухарским

Чеслав Милош

О КОНЦЕ СВЕТА

Беседа с Катажиной Яновской и Петром Мухарским

— *Почему вы, живя в Калифорнии, в центре современной цивилизации, неустанно ищете следы провинциального города где-то на окраинах Европы?*

— Я родом из мелкопоместной шляхты и сохранил привязанность к деревенскому захолустью. Такое стало возможно лишь потому, что будучи пятнадцати летним парнем я взбунтовался против захолустья. Так что мои возвращения в воображении или ностальгическом чтении — дело противоестественное.

Места моего детства имеют для меня особое, сакральное значение. Кто-то сказал, что из троих братьев Карамазовых только двое, Дмитрий и Алеша, пережили в детстве сакральные моменты счастья и приятия мира, а у Ивана такого не было, и в этом главное различие между ними. Набожная мать Алеси протягивала его из объятий своих к образу — это было огромное его переживание в детстве. Как известно, Алеша в романе — воплощение святости и чистоты. Дмитрий — страшный греховодник и скандалист, но и у него был такой момент: как-то немец-доктор купил ему фунт орехов — это было для него великое счастье и сакральный момент, который в решающих обстоятельствах спас его. А у Ивана, обретенного на безбожие и тайные сношения с чертом, не было никакой защиты в детском его опыте.

Я познал свои минуты счастья в парке в Штетейнях, где прошло мое детство.

— *А как же быть людям, которым некуда возвращаться, у которых нет сакрального места в прошлом?*

— В нас очень сильна тенденция к созданию себе такого места. И я не исключение в том, что мое сакральное место так отдалено и во времени, и в пространстве, потому сегодня что все мы эмигранты. Все мы приходим из каких-нибудь забытых деревушек, из какого-то затерянного прошлого.

— *Не опасны ли утраченные сакральные места? Не созидают ли они ложную ностальгию?*

— Этот вопрос очень меня занимал. К примеру, польские «Вядомосьци литеракзе», выходившие в эмигрантском Лондоне после войны, публиковали множество сентиментальных воспоминаний, приукрашивающих прошлое и по сути дела лживых. Граница здесь очень зыбкая, но, мне кажется, только тот, кто бунтовал против трогательности бабулиной усадебки, против всех этих благородных чувств набожности и патриотизма, способен обрести дистанцию. Так что не стоит доискиваться истинности «Пана Тадеуша» — не в фактах там дело.

— *Эти трогательные воспоминания могут угрожать нашему самосознанию?*

— Трогательные воспоминания представляют угрозу истине. Они служат нашей склонности маскировать действительность — зачастую неприятную, суровую, жестокую.

— *Когда вы подростком взбунтовались против захолустного уклада жизни, было у вас чувство, что мир близится к концу?*

— Так сложилось, что я жил в миражах, которые и в самом деле кончались. Ребенком я был свидетелем конца царской России, позже, живя в Вильне, чувствовал, что это скоро должно закончиться. Еще позже, живя в Варшаве уже перед Второй Мировой войной, я тоже ощущал

нечто подобное. Это чувство не покинуло меня и на Западе, хотя я старался лечиться от него, потому что вокруг жили люди, начисто его лишенные.

— *Кроме ностальгических личных утопий, людям присуща страсть постоянно оглядываться назад и вспоминать золотой век, рай, из которого нас изгнали.*

— Здесь мы касаемся важной темы — линейно понимаемого времени. Это в наших представлениях наследие Библии — последовательность времени, укладывающаяся в такую историю: сперва — золотой век или сад Эдема, потом падение и изгнание — то есть нынешнее наше состояние, все же чреватое надеждой, стремлением к концу, к какой-то развязке. Позже, где-то в конце XVIII века, эти представления подверглись секуляризации. Теория эволюции сильно подточила эту тенденцию, и мы либо оглядываемся назад, ища причин, либо смотрим в будущее, ожидая свершений.

Надо сказать, что понимание прошлого как рая всегда находило отклик в европейской цивилизации. В Средние века у гуситов в Чехии возникли большие трудности с sectой адамитов, которые раздевались догола, провозглашая возвращение в рай; тогда же Иероним Босх писал свой цикл «Сад земных наслаждений».

— *Эти возвращения в рай повторяются, в 1968 году хиппи в Америке кричали: «Рай — сейчас же!»*

— Я видел 68-й год в Беркли. Это было очень забавно — в некотором смысле. Как-то приехал профессор из Болгарии, вытаращил глаза и говорит: «Да ведь это же нескончаемый карнавал!»

Я видел тогда современных адамитов: к примеру, на выборы в комитет студенческой взаимопомощи явился вдруг абсолютно голый кандидат. Студенты на занятия приходили босиком, это было в порядке вещей.

— *И долго продолжалось это райское состояние?*

— Это райское состояние было кратковременным. Но и раньше случались драматические моменты. Как-то стоял я у окна с немкой, которая помнила еще гитлеровские времена; глядя, как студенты жгут книги — тоже, вероятно с тоски по наготе иного рода, — она сказала: «Это что-то мне напоминает». Впрочем, средневековое движение адамитов тоже было направлено против знаний, против книг.

— *Оглядываясь назад, современный человек не только возвращается в рай. Он еще видит себя потомком человекообразной обезьяны — глядя на себя в цепочке эволюции, видит себя зверем.*

— Да, безусловно. Появление труда Дарвина, в 1859 г. привело к великому перевороту. Сам Дарвин обнародовал свою теорию, осознавая, что это дьявольская «теология». Жена пыталась удержать его, но он полагал, что раз это научное открытие, то он обязан его опубликовать, хотя и сам был порядком потрясен. Влияние теории эволюции на наше воображение столь огромно, что мы склонны считать историю человечества отрезком эволюции в природе.

Я писал об этом в «Поэтическом трактате»: не есть ли дух истории иным обличьем духа природы? Как освободиться из-под его власти?

Возьмем природоведческие программы, которые так охотно смотрят сейчас в Америке, — наверное те же программы смотрят и в Польше. Природа в них представлена как непрерывное взаимное пожирание. По-моему, это просто ужасно; мне кажется, дети, которые видят это, учатся рассматривать законы природы как законы нашего человеческого мира. Они привыкают к тому, что все пожирают друг друга. Потому что теория эволюции стирает границу между нами и природой. Между тем природа не знает добра и зла, не знает ценностей, а мы, люди, их знаем — тут и проходит граница между нами и природой, хотя теории эволюции нечего об этом сказать.

Нам предстоит принять очень серьезный вызов: как избежать постоянного ускорения нашего воображения, ибо все наше эволюционное мышление так построено, что мы все меньше внимания обращаем на настоящее и все больше — на прошлое и будущее. Это, разумеется, приобретает различные формы, хотя бы в виде гегелевских этапов истории, что в наивном уме порой преломляется весьма забавно. Я уже писал, как моя знакомая Дзюня как-то спросила меня: «Эти Мицкевич и Словацкий, должно быть, очень зверскими были, правда?» — С чего ты взяла, Дзюня? — «Так ведь человек происходит от обезьяны, а они жили так давно».

Вот сжатый пример того, к чему приводят гонка мысли вспять и вперед.

— *Вы предпочли бы освободиться от дарвинистов и от теории Дарвина?*

— Единственным выходом было бы запретить теорию эволюции, сказать: мир был создан шесть тысяч лет тому назад, — а всех, кто продолжал бы верить в эволюцию, арестовать и посадить в лагеря. Может, тогда мыслители сконструировали бы какое-нибудь теоретическое оправдание.

— *Вернемся к утопиям и к XX веку, который на себе испытал несколько воплощенных, осуществленных утопий. Почему эти утопии обладали такой силой порабощения, что люди соглашались во имя их вырезать целые нации или целые классы людей, которым не было места в этих утопиях — не было места в светлом будущем?*

— Это хороший вопрос. Ибо неверно, будто какие-то жестокие массы идиотов идут за вождем или идеей и совершают жестокости. Не забудем, что в XX веке эти преступления находили оправдание в лучших умах, которые прилагали все усилия к тому, чтобы создать теоретические конструкции оправдания.

— *В чем здесь причина? В страхе, в корысти? Как бы это объяснить по-человечески?*

— Что касается марксизма — я уж не говорю о марксизме, созданном в Советском Союзе, это особь статья, — но возьмем, к примеру, парижских философов: Сартра и всех, кто создавал целые тома, писал о марксистской диалектике и кому можно отнести слова Гомбровича: «Чем умней, тем глупей»

Моя книга «Порабощенный ум» была бестселлером в Югославии еще до ее распада, и я сам потом наблюдал, как быстро сербские теоретики марксизма перекинулись к национализму. Мне кажется, что ответственность за жестокости, совершаемые сербами, лежит и на умниках, придумавших идею Великой Сербии.

— *Как внутренне противостоять такого рода отраве?*

— Надо любить здоровые вещи.

— *To есть?*

— Я как-то написал об одном враче: когда шарлатанство ему в горле комом — бульон пропишет, молоко нам...

Очень трудно тут дать единый рецепт. Сам я искал инстинктивно — скорей инстинктивно, чем теоретически, — здоровых людей, здоровых мыслей. Одним из таких людей был Станислав Винценц, дружба с которым очень много дала мне. Я даже написал стихотворение — как бы краткое изложение его философии. Если говорить об интеллектуальных построениях, это не слишком сложная философия, но ее довольно трудно передать в нескольких словах. Это философия дружественного отношения к жизни.

— *Может ли память защитить от догматизма?*

— Какое-то время я был отравлен историческим фатализмом, и дело тут было не столько в Гегеле, сколько в Станиславе Игнации Витковиче с его глубоко фаталистической картиной Европы, деградации этого мира. Заключительные части его романов «Прощание с осенью» и «Ненасытимость» сильно воздействовали на мое поколение. Стремясь освободиться от этого, я

написал сперва «Порабощенный ум», но это было все еще не то, и, лишь написав «Долину Иссы», то есть вернувшись в свое родное болото, я, наконец, излечился: запахи, краски, память о деталях...

Именно память о деталях — лучшее лекарство против обобщений и «главных линий развития». В самом деле, что это за главные линии развития? Пишет, скажем, кто-то историю Китая и утверждает: с VIII по XIII век в Китае продолжались беспорядки. Конец, точка. Вот она, главная линия развития. А внимание к деталям позволяет заполнить все эти якобы пустопорожние века бесконечной чередой человеческих дел. Вот почему, приезжая в Krakow, я в Ягеллонской библиотеке читаю подшивки «Пшегленда Виленского» за 1912 год.

— *Ищете детали?*

— Да, у меня потребность в деталях.

— *Сразу же после написания «Долины Иссы» вы осели в стране, которую можно назвать страной без памяти. Американцев прошлое не интересует, они смотрят исключительно в будущее. А может, это свойственно не только Америке, но и вообще современней цивилизации. От чего освобождает такой подход и какую он представляет опасность?*

— Наверно, так оно и есть. Нельзя полностью ни одобрять это, ни осуждать. Был такой фотограф во время Гражданской войны в Америке, самой кровавой войны XIX века, более кровавой, чем наполеоновские войны; он снимал поле битвы и солдат, идущих в бой. Его фотографии были очень популярны. Но как только война закончилась, он прогорел. Никто в Америке не хотел смотреть на его снимки, и в этом есть нечто положительное. Все, мол, хватит, перечеркнуто, не желаем больше думать об этом.

— *Мы говорили о великих социальных утопиях; откуда их сила, откуда они взялись?*

— Припомним «Волшебную флейту» Моцарта и ложа тех, кто хочет спасти народ, — отсюда прямая дорога ведет к утопическому, а потом и к научному социализму. Откуда это взялось? Так ведь XIX век был невероятно жестоким веком, мы порой забываем, что тогда творилось. Это было ужасно: Лондон конца 1862 года, когда там побывал Достоевский, напоминал жестокого Баала, которому высшие классы приносят низшие классы в жертву. Варшава, которую мы знаем из «Куклы» Пруса, вовсе не была такой, какой там описана, хотя «Кукла» считается реалистическим романом. Это же был публичный дом российского гарнизона. Это был город крайней бедности и неслыханной проституции.

Утопии научного социализма прекрасно этим питались. Для Маркса Лондон был ужаснейшим Вавилоном тех времен. Чуть раньше, у фурьеистов или сенсимонистов, утопии принимали весьма забавные формы; как известно, была изобретена специальная жилетка, которую мог застегивать на пуговицы только кто-то другой, товарищ, чтобы так воспитывать истинно общественные чувства. Такого рода идеи развивались в XIX веке, а в XX-м мы стали свидетелями их осуществления.

— *Парадокс состоит в том, что осуществление утопий XX века напоминает апокалиптические картины и апокалипсис оказался в XX веке изнанкой утопии. Теперь, когда мы уже не думаем об утопиях, в нас все еще остается одержимость мыслью об апокалипсисе.*

— Мы все сейчас носители бациллы апокалипсиса. Это уже стало банально: все поголовно мыслят в категориях конца, в категориях какой-то развязки. Глядя на мир сегодня, на то, что в нем творится, можно предположить, исключать не следует, что мы близимся к какому-то концу, ведь происходят вещи и впрямь ужасные, но в то же время что-то нашептывает нам, что так уж скоро это не произойдет.

— Среди разного рода апокалиптических концепций существует и такая, быть может, особенно драматичная, согласно которой конец света уже наступил, а то, чему мы свидетели чего, есть лишь следствие инертности материи; как у трупа: душа уже отлетела, а ногти и волосы еще растут, — так и этот мир еще катится.

— Неизвестно, может, мы живем уже после смерти, может, это и есть наш ад, я не знаю. У Сведенборга я нашел такой разговор с атеистом; тот утверждал, что не существует ничего, кроме материи, что все кончается вместе со смертью. Сведенборг ему отвечает: — Но ведь ты-то уже умер, только не знаешь, что умер.

Разумеется, их беседа происходила где-то в потустороннем мире, а тот человек не знал, что уже умер. Такое возможно.

— Вы хорошо обучились распознавать грядущий апокалипсис, раз, как уже было сказано, вы росли в мириах, которые исчезали. Случается ли вам и сейчас предчувствовать конец какого-нибудь мира?

— В какой-то момент я этого устыдился, и теперь я катастрофист на пенсии. Подозрительно много сегодня любителей возвещать конец света. Порой для них это решение собственных трудностей, ибо мысль о конце света приносит большое облегчение, когда мы сами не в состоянии справиться с нашими собственными трудностями.

— По этой ли причине вы обвиняете искусство в том, что оно так легко переходит на позиции безропотного смирения?

— Да, я веду свою личную войну против искусства такого рода. Я к этому очень чуток и думаю, что с искусством сегодня дело обстоит так, как в том белорусском анекдоте: мужик идет через мост, а там баба тонет. Вынырнет — ох, ах! — хватит воздуху и снова исчезнет. Снова вынырнет и снова исчезнет... А мужик стоит, глядит и в конце концов говорит: не трать, кума, силы, спускайся-ка на дно! К современному искусству этот анекдот большей частью применим. К сожалению.

— По-вашему, в этом есть что-то попросту непристойное?

— Был такой английский поэт Филип Ларкин, он написал стихотворение о смерти, совершенно пессимистическое, отчаянное, но в этаком игривом темпе: мол, все мы умираем, все мы умираем и т.д. Страшно рассердило меня это стихотворение, мне казалось, что художник, должен бороться против смерти своим искусством.

— А вы боретесь со смертью своим искусством?

— Мне представляется, что да. Я не могу выиграть как человек, но как художник могу хотя бы попытаться это сделать

— В своем творчестве вы, в частности, одержимы картиной смерти как очищающего огня. Потом мы все встречаемся на небесных лугах и все спасено.

— У меня очень силен элемент апокатастасиса, т.е. представления о том, что все вернется в свою очищенную форму после наступления конца света. Но если бы я в самом деле догматически в это верил, то был бы еретиком, и меня следовало бы сжечь на костре или проклясть, как Оригена, который считал, что и дьявол будет спасен: уж если возвращение, то все вернется. Но я вовсе не догматический проповедник апокатастасиса, это скорей необходимое мне художественное представление.

Сейчас у нас момент остановки. Тенденции, благоприятствующие идеи конца света, свидетельствуют о крутом повороте нашего воображения. Мы обязаны вновь укоренить свою жизнь в настоящем, поменьше гнать воображение то вперед, то назад. И больше внимания обращать на детали, о которых я говорил, на жизнь сегодняшнюю.

— То есть заново поверить в действительность?

— В каком-то смысле — да, речь идет о возврате к действительности, к esse, к тому, что есть. У меня есть стихотворение «Esse», которое я особенно ценю, — о любви к случайной спутнице в парижском метро; роман продолжался полторы минуты, я сидел напротив и действительно видел ее по-настоящему. Впрочем, как сказала Симона Вайль, поверить в действительное существование и значит любить.

— Вы когда-нибудь задумывались над тем, что мир лишили смысла существования или что он сам лишил себя смысла существования?

— Мы говорим об апокалиптической бацилле, но мы все ею заражены, и я тоже; я даже воздал должное этому духу в своих стихах, таких, как «Oeconomia Divina». Это стихотворение можно бы поставить в один ряд с некоторыми произведениями искусства безнадежности.

— Легко ли найти надежду в этом мире, где апокалипсис стал обыденностью?

— Надежду каждый должен искать себе сам, универсального рецепта здесь нет; но тут, мне представляется, что мы подошли к вопросам, которые очень трудно облечь в какую-либо доктрину или теорию.

Сегодня и верующие, и неверующие сидят в одной и той же корзине, одинаково затронуты эрозией, испытывают одинаковые трудности. Одни решают их так, другие — иначе. Но есть и принципиальное сходство. Я хотел бы, чтобы то, что я пишу, было важно для тех и для других.

Сентябрь 1996
Главный читальный зал Ягеллонской библиотеки,
Краков

Каталинна Яновская и Петр Мухарский - известные журналисты, авторы „Бесед к концу столетия“ - популярной телевизионной программы и одноименной книги, третий том которой недавно был выпущен издательством „Знак“

Фото издательства ZNAK

¹ Рай немедленно (англ.)

² Виткевич Станислав Игнацы (Виткацы) (1885-1939) - польский художник, драматург, романист, философ; автор теории чистой формы в искусстве.

³ Сведенборг Эмануэль (1688 - 1772) - шведский философ; создал философское учение о потусторонней жизни.

⁴ Ориген (ок. 185-253/254) - христианский теолог, философ, филолог. Отклонялся от ортодоксального церковного предания, что привело к осуждению его как еретика.